

Б. ПРИДЕЖАЕВА-БАРСКАЯ

В ДРЕВНЕМ КИЕВЕ

ДЕТГИЗ · 1953

В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ

Б. ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ

В ДРЕВНЕМ КИЕВЕ

*Рисунки
В. Свешникова*

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Научный редактор
профессор М. А. Тиханова

В СТЕПИ

Близко подходила дикая степь к границе Руси в XI веке. Ранней весной неизмеримые пространства степи покрывались лиловыми пятнами: то цвели анемоны; а когда становилось жарче и лето вступало в свои права, — целые луговины принимали голубую, лазурную окраску: здесь распускались незабудки, а кое-где будто проступала на земле алая кровь — это расцветали маки; пушистая, белая, как кудри старика, степная трава ковыль росла по пояс человеку.

Берёза, бобовник, вишенник образовывали густые непролазные кустарниковые заросли. Звери и птицы находили здесь приют от людских взоров. И до чего плодородна была эта степная земля! Проведёт конь плугом борозду, бросит пахарь зёрна в землю, и даст она обильный урожай! Степь обещала русскому человеку привольную, сытую жизнь, но она таила постоянную угрозу — смертельную опасность.

С незапамятных времён на огромных пространствах Причерноморья, Приазовья и Прикаспия кочевали чуждого вида враждебные люди.

В XI веке здесь жили половцы. Они пасли свои стада,

перегоняя их с места на место в поисках лучших пастбищ, разоряли пашни и попутно грабили мирных земледельцев, захватывали в плен их самих, а потом гнали товар на продажу в приморские города. Этот живой товар и был главным богатством степных разбойников.

Русские люди, жившие вблизи степи, знали о грозной опасности. Знал о ней и старый Петрило. Но, однако, каждое утро, лишь солнце поднималось на небе, он уходил в поле; с ним вместе уходил и сын его, пятнадцатилетний Жданко.

Радостны были Жданке и птичий щебет, и таинственный шорох в кустарнике, и тёплые солнечные лучи, ласково пригревающие спину.

Когда Петрило боязливо оглядывался, не движется ли из глубины степи половецкий отряд, Жданко утешал его:

— Не бойся, батя, в случае чего неужто мы не удерём от злых коршунов?!

— Помалкивай, малый! Глуп ты! Еще беды не вида, не навлечь бы зла!

Жданко беззаботно засвистал, подражая звуку дрозда, и, поправив поводья на коне, послал его вперёд:

— Ну, Гнедко, шевелись!

Утро было погожее. В вышине заливались жаворонки. Петрило, слегка покряхтывая, работал на пашне и не чувял ничего дурного в этот ясный день. Солнце поднималось всё выше и выше; скоро оно станет над головой. Пора приниматься за обед. Петрило велел Жданку распрягать коня и пустить его на простор. Пусть пощиплет сочную травку! А сам вытащил краюху ржаного хлеба, густо посыпанную солью, разломил её пополам и одну половину подал сыну. Петрило поглядел вокруг, заметил широкий густой куст, забрался туда с Жданком, и оба принялись за обед.

Когда Жданко доел свою краюху, он почувствовал, что его клонит ко сну.

«Вздремнуть бы чуток!» — только успел он подумать, как отец сказал испуганным шопотом:

— Эй, Жданко, сынок! Слышишь?

Жданко ничего не слышал, но ему показалось, что туча заволокла небо, поднялась пыль и наступила внезапная темень. Жданко стал прислушиваться. Какие-то звуки долетали до его ушей: не то стон и звук плетей, не то заунывная песня.

Петрило и Жданко ещё ниже нагнулись, ещё глубже старались спрятаться в кустах.

— Ой, батя! Что это?

— Молчи, сынку! — Петрило схватил Жданко за руку, крепко сжал её. — А теперь не чувствуешь? То степняки проходят со своими полоняниками.

— Хоть бы сгинули, проклятые!

В это мгновение как будто произошло чудо: топот стал глуше, замолкла унылая песня, словно и вправду враги исчезли; но вдруг до слуха Петрилы и Жданка донеслось жалобное конское ржание.

— Увели коня, проклятые! Гнедушко, родимый! — закричал Жданко, забыв всякую осторожность. — Что же мы делать будем без нашего коня!

— Молчи! — ещё раз прикрикнул старый Петрило, — молчи! Хорошо, что тебя самого не увели! А то, как услышат проклятые человеческий голос, — вернутся и будут искать нас. . .

Жданко не дослушал отца. Он уже выскочил из кустов и бросился к тому месту, где он оставил распряжённого коня. Он увидел отброшенное в сторону рало.¹

— Не нужно им рало, степнякам проклятым! — Жданко взвалил рало на плечи. — Теперь я за Гнедка пахать буду!

Петрило тоже вышел из кустов и подошёл к сыну:

— Пусти, малый, я покрепче тебя, я и потащу!

Когда доплелись до родной хаты, — навстречу им вышла бледная, исхудалая женщина:

— Пришли, родимые! уберёг господь вас!

Из соседних хат выползли старики, выбежали ребята и, притихшие, окружили Петрило и Жданка.

А жена продолжала радоваться, что муж и сын вернулись целы и невредимы:

— Слышно было, как окаянные проходили стороной, где-то в другом месте, видно, насытили свою утробушку. — Потом, вспомнив, спросила: — А где же Гнедко?

Петрило закрыл лицо руками и ответил глухим голосом, точно с трудом выдавливая из себя слова:

— Нету Гнедка, мать! Увели. . .

¹ Р а л о — пашенное орудие.

— Что же делать-то будем без коня! Как будем жить без Гнедушки! Кормилец он ведь наш!

И мать залилась слезами.

Петрило не произнёс ни слова, а потом поднялся, затянул кушак и сказал твёрдо:

— Полно плакать, — этим не поможешь! Без коня работать не можно! Задамся¹ за боярина, за Гордята нашего.

Мать внимательно посмотрела на мужа, а потом перевела глаза на Жданка.

— А с ним-то как? И на него ряд?²

— Упаси бог! Увезу его в Киев! Пусть поживёт в городе покуда, он малый смекалистый — выучится ремеслу какому-нибудь! А там, гляди, и мне поможет откупиться. Вот хотя бы Тудор, отвезу к нему; помнишь Тудора?

— Как не помнить!

— Знатный он мастер — кузнец по золоту.

Сначала у матери глаза заблестели, а потом, как вспомнила, что надо расстаться со старшим сыном, глаза у неё наполнились слезами.

Через пять дней Петрило отправился на боярский двор, потолковал там и вернулся, ведя под уздцы коня. Конь был добрый: широкая спина, узкая морда, правый глаз немного косил, — видать, хитрый конь, умный. Петрило похлопал его по спине:

— Шерсть-то у него какая, мать! ровно шёлковая, и блестит!

Малуша, — так звали жену Петрилы, — сказала с укором:

— А Гнедка ты уже и позабыл!

— Нет, зачем забывать! Но нет Гнедушка, так что же делать?

Малуша побежала в клеть и принесла охапку свежего сена. Сено так вкусно пахло, что конь тихо заржал, и Малуша прослезилась: «Живи у нас, Воронок! может быть, мы тебя навсегда выкупим». Но тут же снова, как

¹ «Задаться за кого-нибудь» — получить ссуду либо деньгами, либо инвентарём; получивший ссуду земледелец должен был её отбавывать владельцу, то есть попадал к нему в зависимость.

² Ряд — договор.

вспомнила про отъезд Петрилы и то, что он увезёт с собой сына, так горько ей стало, что уже не могла сдерживать горючих слёз. Теперь того и гляди, чтоб не попал Петрило в холопы навсегда; и сын уезжает в город — надолго ли? Кто знает, когда она увидит кудрявого своего любимца?!

У ЗОЛОТЫХ ВОРОТ

Высоко на горах стоит Киев.

К востоку от города, у подножья гор течёт Днепр. Широкая, могучая река — надёжная защита от неприятеля: нелегко перебраться через такую реку; с северной стороны крутые горы и глубокие пропасти — помеха врагу.

Не добраться ему и с юга. Здесь густые, дремучие леса, непролазные дебри, тоже кручи, тоже пропасти...

А вот с запада нет Киеву природной защиты: ни высоких гор, ни глубоких оврагов. Поэтому враг всегда норовит ринуться на город с западной стороны.

Так, в начале XI века напали на Киев хищные степняки-печенеги; они совсем близко подошли было к городу, но киевляне, во главе с князем Ярославом, вышли навстречу врагу в открытое поле. Произошла злая сеча; киевляне разбили печенегов.

Однако после этой битвы пришлось задуматься киевлянам, как оградить себя от новой напасти, от новых набегов из степи; стали насыпать валы, сооружать деревянные стены на валах — «ставить столпие».

На том месте, где киевляне доблестно сразились с врагами, князь Ярослав построил храм и назвал его

храмом святой Софии, подобно тому, как назывался главный храм в Константинополе — столице Византийской империи.

Золотом сверкают купола на киевской Софии, прекрасны обширные галереи, примыкающие к храму, сквозь которые открываются несравненные по красоте виды на холмы и долины, окружающие Киев.

Сильно разросся Киев к середине XI века.

Трое ворот вели теперь в Киев: одни с севера — отсюда шла дорога на Галич; другие, Лядские, — с юга, из дебрей, и Золотые — с запада.

Главные ворота — Золотые; их называли еще Великими. Это две параллельные стены, соединённые сводом. Над сводом находилась церковь с золочёным куполом. Створки ворот были окованы вызолоченной медью.

Золотые створки, золотой купол. . .

Когда солнце бросало свои прощальные лучи на купол церкви и скользило вниз по сверкающей плоскости, проезжий и прохожий останавливались в изумлении и долго не могли забыть ослепительной красоты киевских западных ворот.

Слава о прекрасном сооружении шла по всему миру.

Крепкая и многочисленная стража стережёт ворота. На ночь они крепко запираются, но лишь подует лёгкий предрассветный ветерок и птицы загомонят в листве зелёных дубов, что придвинулись к земляному валу, огородившему Киев, — ворота должны раскрыться.

Солнечный луч уже скользнул по белым, прижавшимся друг к другу берёзкам, позолотил корявую ель, опустившую до земли свои мохнатые лапы, и пополз вверх по стройному стволу тополя. Наступал весёлый летний день, а между тем городские стражи до сих пор не раздвигали створок ворот.

Народ всё прибывает и прибывает; скрипят колёса, лошади ржут, мычат волю.

Начальник стражи и его помощники спят еще в своей каморе, которая помещается в нижней части воротной башни, слева от въезда.

Широкоплечий молодец, расположившийся на толстом войлоке, посланном на деревянной лавке, проснулся; он знает, что пришло время вставать: солнечный луч прокрался сквозь продолговатое окошечко. Слышит страж и скрип колёс и мычание волов. Однако он лежит непо-

движно, ждёт, покуда не проснётся старшой; а тот уперся ногами в нижнюю часть каменного свода, будто прирос могучим телом к лавке и к стене.

Однако шум за воротами всё усиливается. Уже достигают ушей воина недовольные возгласы прибывших. Он поднимается и думает: «Разбуджу старшого — заругает, не разбуджу — ещё того больше заругает». И, как назло, все остальные воины, что сторожат воротную башню, тоже спят мертвецким сном.

Подумал, подумал страж и решился:

— Микита, а Микита!

Тот не сразу понял, в чём дело, но вдруг пробудился, вскочил с места и закричал зычным голосом, что пора приниматься за дела, раскрывать ворота.

— Поторапливайтесь! — распоряжался Микита.

Гул голосов, топот ног становились всё явственнее.

Жданко с отцом приехали еще ночью и вот стоят, дожидаются.

Воронок нетерпеливо мотает головой, топчется на месте, будто хочет сбросить Петрилу. Всю ночь просидел Петрило верхом на лошади. Тяжело Воронку, устал он, утомился и Петрило.

Жданко хоть и не верхом, — он приткнулся на возу, — а тоже несколько не мог соснуть. Отец поручил ему зорко следить за грузом, что везли они из-под Василёва,¹ глядеть, не ослабли ли верёвки, которыми были перевязаны кадушки с мёдом, не покачнулись ли глиняные корчажцы с хмельным медовым напитком, не скатились ли с воза свёртки сетей для ловли птиц и рыб, которые они везли на киевский торг.

Жданко с отцом ехали долго и трудно. Сперва от своего сельца до города Василёва 7 поприщ (а каждое поприще — тысяча шагов), затем от города Василёва до Киева целых пятьдесят поприщ! И не по ровному пути ехали Жданко с отцом: приходилось беспрерывно то спускаться, то вновь подниматься на гору; случалось пробираться сквозь дебри лесные, переезжать бурные потоки и речушки да приглядываться зорко к встречным, нет ли среди них лихих людей.

Первый раз в жизни выехал Жданко из родного

¹ В а с и л ё в — так в древности называли город Васильков Киевской области.

Храм святой Софии.

сельца. Многое видел он на пути. И город Василёв на берегу Стугны, валы его, и стены, и люди, которых встречал, — всё было ново, обо всём этом думал Жданко; но больше всего думал он о чудесах стольного города, что предстоит ему увидеть. В густой зелени сверкает золото кровель да золотятся створки ворот, выложенных медью, и розовеют стены. Вглядывается Жданко — поскорей бы проникнуть туда, внутрь города!

Однако усталость берёт своё — сами собой смыкаются веки. Дремлет Жданко, и чудится ему в полусне, что он всё еще едет то с горы, то на гору; качается воз из стороны в сторону, а он всё едет и едет, никак не может достичь великого города, куда так стремится. Петрило поглядел на спящего сына и, чтоб не задремать самому, спрыгнул с Воронка. Захотелось поразмяться. Он подошёл к толпе, что сгрудилась у въезда на мост.

Много народа понаехало: одни на «колах», запряжённых лошадьми, другие пришли пеши, сопровождая «сумных» лошадей, то есть навьюченных, — по суме с каждой стороны. Это пришли из ближних мест: из Желани, из Дорогожич.

Вот стоит двухколёсная повозка, маленькая кола, а на ней деревянные ведёрки, окованные железными обручами, да ковши деревянные, да несколько связок деревянных ложек.

Петрило поглядел с удовольствием на свою четырёх-

Страж.

колёсную колу. На ней можно поместить товару вдвое больше, чем на этой маленькой двухколёсной. Да только беда: и на двухколёсной и на четырёхколёсной нет защиты от дождя; то ли дело большая крытая повозка, запряжённая двумя волами, что остановилась неподалёку от него! Много добра можно уложить на этот воз! Петрило подошёл поближе, заглянул внутрь, видит — там лежат тяжёлые, железные вещи: молоты; их называют еще «ковadlo», если это тяжёлый молот, или «кладиво», если это молоток-ручник. Есть тут железные клещи, есть лопаты, ножи, ножницы, серпы.

Около крытого, запряжённого волами воза суетятся несколько человек: они привезли свой товар из Белгорода.

Петрило подошёл совсем вплотную к возу, запряжённому волами.

«Хитрецы», — подумал он, глядя с уважением на двух широкоплечих мужчин: одного, заросшего чуть ли не до бровей густыми чёрными волосами, а другого с гладкими щеками, но с длинной, рыжеватой бородой.

Кузнец или ковач — очень уважаемое лицо, у него есть сила, умение, ловкость; он делает то, что не всякий сумеет сделать, а всякому человеку нужны ножи и ножницы, сковороды и серпы. Вот и ему, Петриле, надо купить серп, — старый-то уже иступился.

«А не заговорить ли с ковачами?»

Глядит Петрило вокруг себя. Немногие приехали в крытых повозках и на волах, всё больше на колах, запряжённых конями.

Петрило думает: счастливо они с сыном доехали, никакой беды с ними не приключилось, а всё же вернее сговориться с другими, кому ехать той же дорогой, и вместе добраться до своего места. Так и безопаснее и веселее.

«Вот этим хитрецам-ковачам по дороге со мной, — хорошо бы ехать вместе на обратном пути!»

Хочется Петриле заговорить с кузнецами, да не

решается. Кузнецы не простые люди, — с ними надо ухо востро́ держать. Многое им ведомо, чего никто не знает.

Раздумье Петрилы прервали шум и суета, которая началась среди приезжих. Чуть-чуть заколебались сверкающие золотом створки ворот; скоро они откроются настежь и вся масса народу тотчас хлынет в город.

Петрило заторопился к своей коле и сыну Ждану, который спал, примостившись между двумя кадками и положив голову на свёрнутую тяжёлую сеть, которую они плели всей семьёй.

Под самым Киевом, в долине между холмами, среди дремучего леса висят такие сети, натянутые на высокие столбы. Когда птицы летят стаями во время весенних и осенних перелётов, они натыкаются на мелко сплетённую сеть и падают на землю. Это место под Киевом называется: Перевесище.¹

Петрило знает, что он возьмёт за свою сеть много денег.

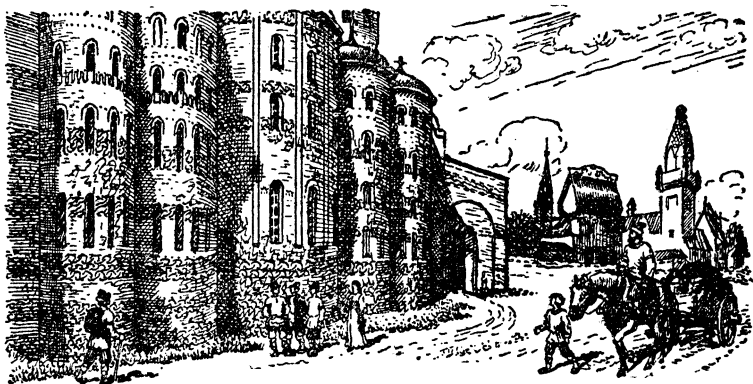
Медленно подались створки ворот и стали раскрываться. Народ заторопился к въездным воротам.

— Эй, Ждан! — позвал Петрило сына.

Жданко встрепенулся, слез с колы, чтобы пешим пройти в Золотые ворота, а Петрило вскочил на Воронка.

¹ На месте древнего Перевесища теперь находится главная улица Киева — Крещатик.

ЖДАНКО ВЪЕЗЖАЕТ В КИЕВ

Вот уже Воронок вступил на мост. Петрило поднял левую ладонь, поднёс её ко лбу, защищая глаза, чтобы солнце не слепило, не мешало бы разглядывать великолепные строения, воздвигнутые недавно.

Много лет прошло с тех пор, как старик приезжал в стольный город. Всё тогда казалось ему иным, и въезд в Киев был на другом месте.

Жданко идёт пешком рядом с колой. Он поворачивает голову то вправо, то влево, то задирает её вверх, не может вдоволь надивиться красоте Золотых ворот.

Жданка поражает не только блеск золота, но и мощь всей постройке, её великолепие.

Обе стены сложены из кирпича и камня. Через каждые пять рядов тонких квадратных кирпичей идёт ряд камней. Будто розовыми полосами изрезана стена.

— Стой, стой! — слышит Жданко.

Остановились люди, кони, возы и волы.

Что случилось?

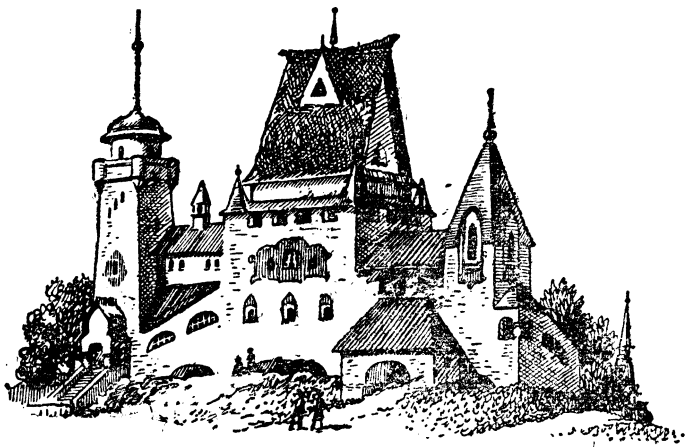
Воины, что стоят у въезда, — в железных кольчугах, шеломах и с небольшими топориками на плечах, — не пропускают всех сразу, требуют, чтоб шли по порядку. Наконец страж махнул рукой, дал позволение двигаться дальше.

Отец с сыном вышли из ворот на широкую площадь, залитую солнцем. Они очутились перед храмом невиданной красоты. Жданко хоть был наслышан о великолепии святой Софии, но такого не ждал...

Подобно Золотым воротам стены храма были сложены из рядов плитообразного розового кирпича, чередующихся с толстым слоем светлого известкового раствора; глубокие ниши по фасаду, открытая галерея вокруг храма дополняли его величие. Внутреннее убранство храма поражало своим богатством. Стены и своды, покоившиеся на восьмигранных столбах, были покрыты богатейшей мозаичной¹ и фресковой² росписью. Многоцветной мозаикой был выстлан и пол храма.

Слава о дивном здании шла не только по Руси. По всему миру говорили о нём.

Петрило остановил Воронка, залюбовался невиданным

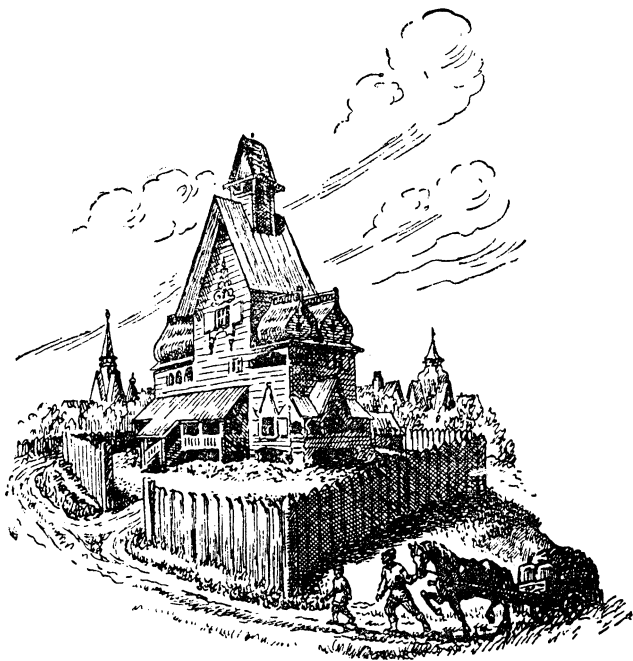
Княжеский дворец.

доселе зрелищем, а Ждан думал: «Самое лучшее на свете — это жить в Киеве среди таких чудес!»

Он слышал, что в Киеве при храме святой Софии

¹ Мозаика — узор, составленный из мелких кубиков цветного стекла (смальт).

² Фреска — живопись водяными красками по сырой штукатурке.

Боярские палаты.

есть школа; в такой школе он мог бы выучиться грамоте и разным искусствам. Уже готова сорваться с языка Жданка просьба к отцу, но знает, — он услышит в ответ: «Не про таких, как ты, эта школа». Жданко задумался.

Петрило тронул сына за плечо и показал ему на пышные терема, украшенные розовым шифером¹ и мрамором, и все с позолоченными кровлями.

Ждан не знает, куда и глядеть, — на дивные ли здания, на народ ли, что толпится на площади.

Широкая дорога тянется в глубь города; по этой дороге едут колы и крытые возки, скачут всадники и плетутся пешеходы. От шума колёс, грохота возов у Жданка голова идёт кругом.

¹ Ш и ф е р — строительный материал — из породы сланцев, — добываемый в те времена на берегах реки Уборти.

Когда миновали Софийский собор, увидел Ждан, что от главной дороги свернула улица налево; по этой улице покатился тяжёлый крытый возок, в котором приехали со своими изделиями ковачи из Белгорода.

Петрило с сыном ехали всё прямо по длинной широкой дороге, пока не подъехали ко рву с мостом, а за мостом снова вал и снова ворота, но эти ворота раскрыты настежь, въезд свободен.

Тут некогда зачинался Киев. Вот, наконец, и главная площадь города; на ней Десятинная церковь, которую выстроил Владимир, отдав на неё десятую часть всех княжеских доходов. Недалеко от церкви стоят древние бронзовые статуи, вывезенные из греческого города Корсуня (Херсонеса). Тут же, на этой площади, торжище. «Это Бабин торжок», — объясняет Петрило сыну.

На площади вокруг церкви — княжеские и боярские дворцы.

Петрило и Ждан со своей колой остановились и с любопытством глядят на ближайшие хоромы. Ворота двора широко раскрыты, а во дворе на высоких столбах большая галерея; на галерею ведёт лестница, покрытая красным ковром.

Глядит Ждан, хочет спросить у отца — чьи, мол, это хоромы, — но не решается задавать лишние вопросы: видит — какая-то суeta внутри двора. Слуги бегают то взад, то вперёд, потом расступаются, дают дорогу: конюх ведёт коня, конь в позолоченной сбруе, с седлом малинового бархата, вышитым золотым узором. Конь выступает плавно, горделиво. За этим сытым, гладким, с лоснящейся шерстью конём выступают другие кони, тоже богато украшенные, и их ведёт под уздцы конюхи.

Кони останавливаются у ступенек лестницы, а в это время раскрываются двери из внутренних покоев и выходит в сени знатный муж. «Кто он? — думает Ждан. — Быть может, сам князь или боярин?» На

Знатный боярин и его слуги.

нём корзно (плащ) из тяжёлой шёлковой материи. По зелёному полю выткано какое-то чудовище — зверь с птичьей головой и с крыльями. За князем выходят его дружинники, тоже в златотканых одеждах, а впереди и позади слуги... и слуги разодеты, с серьгами в ушах... Ждан невольно сравнивает свою и отцовскую сермяги с этими пышными одеяниями княжеских слуг.

Слуги бросаются помогать тому, кого Ждан принимает за князя, а он хотя и тучен и лет почтенных на вид, но легко вскакивает на коня и быстро направляется к воротам.

Другие мужи тоже садятся на коней, которых подводят к ним слуги, и все вместе выезжают со двора.

«На охоту собрались», — решает Петрило.

Когда всадники отъехали подальше, Петрило тоже тронул своего Воронка и глазами показал Ждану — сесть на колу. Отец с сыном въехали в тот же двор, откуда только что отбыл боярин с дружинниками.

В МАСТЕРСКОЙ ЗЛАТОКУЗНЕЦА

Хоть и давненько не бывал Петрило в Киеве, однако он уверенно направил Воронка к жилищу Тудора, «Тудорки», как называл он его, когда они оба детьми бегали по полям и лугам василёвским. Теперь Тудор — искусный златокузнец и живёт в холопах у Гордяты.

Петрило остановил Воронка, оглядел двор. Всё так, как было раньше. Направо ряд погребов, тут и медуша, где хранится мёд. Чуть подалее клеть; сложена она из толстых брёвен, дверь окована железом, а на двери замок железный, висячий. Крепко заперта клеть, так как хранятся в ней ценные товары. Неподальёку и баня. Рядом с баней жилище Тудора. Вот и дверь, а над дверью навес. У входной двери, вровень с землёй, оконце.

Стукнула задвижка, заслонка отодвинулась — выглянуло лицо пожилого человека с бородой, с длинной седо-ватой прядью волос, спускавшейся на лоб.

По этой непокорной прядке узнал Петрило Тудора. Он самый и есть.

Петрило соскочил с Воронка, велел Ждану привязать лошадь, а сам двинулся к дому.

Вот и хозяин поднимается по ступеням.

Признали друг друга хозяин и гость.

— А это кто? — спросил Тудор, указывая на Ждана.

Петрило объяснил, что приехал с сыном, чтобы продать свои изделия на киевском торжище, а на вырученные деньги купить кое-что потребное для хозяйства, а у него, у Тудора, просит для себя и сына пристанища.

Хозяин с гостями спустились на три ступеньки вниз в Тудоров дом.

Жданко окинул любопытным взглядом жилище искусного мастера, но было оно убого, как и жилище его отца Петрилы, простого смерда. По стенам стояли лавки, покрытые войлоком, был стол и ещё другой стол, но печь показалась ему как-то больше обычных печей.

Тудор кликнул свою хозяйку. Скрипнула дверь, и на пороге показалась круглолицая немолодая женщина с ворохом свежевystиранного, только что просохшего белья.

— Вишь, гости дорогие приехали из родного села! Потчевать надобно!

Тудорова хозяйка приветливо, как старому знакомцу, улыбнулась Петриле.

— Ну что же? За этим не постоим! Дай только бельё уложить. А это кто же — малец твой, сыночек? — спросила она, ласково глянув на Жданка.

Жданко смотрел, как ловко и быстро перебирала она и складывала рубашки, полотенца, онучи, и вдруг вспомнил мать. Не так давно расстались, а кажется, год прошёл с тех пор, как выехали они с отцом из-под Василёва. Невольно взгрустнулось Ждану, но тут глянул он на стол, заставленный разными предметами, и мысли его отвлечьлись.

Пока хозяйка собирала снедь, а Тудор и Петрило занялись разговорами, Жданко разглядывал стол, придвинутый к оконцу; на нём стояли горшки и горшочки, наполненные порошком разных цветов; стояли ступки, лежали иглы, маленькие щипчики, кусочки золота и, как показалось Ждану, золотой щиток, ярко разрисованный.

Такой красоты никогда не видал еще Ждан. Это была половинка колта.¹ На ней было изображено дерево, по обе стороны которого расположились птицы. И клювики их, и яркие перья, и тоненькие лапки — всё удивляло Ждана. Он стоял около стола и глядел до тех пор, пока

¹ Колт — женское украшение типа подвесок.

Тудор не позвал его отобедать: «Проголодались после такого пути!»

На столе стоял горшок щей, в котором плавали большие куски мяса. Потом дали кашу из пшеницы, сваренной на меду, и хозяйка принесла из сеней корчажец¹ с пивом.

Подивился Петрило такому угощению. У себя, под Василёвом, он не едал так сладко.

Ничего не ответил Тудор, но почему-то вздохнул. Потом заговорили Петрило с Тудором, вспоминали детство, и Петрило всё хотел спросить, как это он из сына смерда стал златокузнецом и холопом у Гордяты, но сами по себе закрывались от усталости глаза, смыкались веки; и Тудор после трапезы предложил Петриле отдохнуть с дороги, а сам сел к столу, где стояли горшки с цветным порошком и разные тигельки и ступочки.

— Надо кончать для Гордяты колт.

Ждан молча и внимательно следил за работой мастера и боялся только, чтоб тот не прогнал его от себя.

Тудор тем временем придвинул к себе луновидную пластинку со сквозной прорезью рисунка, изображавшую дерево и двух птиц. Он наложил на эту пластинку тонкий лист золота, осторожно продавил углубления по линиям дерева и птиц. После этого Тудор заготовил тончайшие золотые полоски и, взяв маленькие щипчики и вишнёвый клей, наметил острой иглой все чёрточки рисунка. Затем начал укреплять золотые перегородки, для того, чтоб наполнить их эмалями различных оттенков. Даже тогда, когда поверхность золота должна была быть покрыта одним цветом, мастер ставил тоненькие перегородки и заполнял их заготовленным порошком: таким образом достигалась прочность изделия.

Ждан подсчитал: семьдесят пять перегородок прикрепит Тудор на золотой щиток. Внутри каждой перегородки мастер насыпал припой (сплав из олова со свинцом) и поставил щиток на жаровню, чтобы перегородки припаялись плотно к щитку.

Золотой эмалированный колт.

¹ Корчажец — сосуд с двумя ушками, типа широкогорлого кувшина.

Ждан дивился хитроумию Тудора, но не высказывал вслух ни восторга, ни удивления. Однако его сияющие глаза говорили красноречивее слов.

Тудору понравился малый, и он заговорил со Жданом, объяснил, что делает эти колты для Гордяты, а на что употребит боярин его изделие, то ему, Тудору, неизвестно. Может быть, подарит кому-нибудь, а может и продать, но никто не узнает, что их сделал Тудор.

— Как же то может быть? Ведь твоя работа!

Тудор отвечал, что золото боярское и сам-то он, искусный мастер, — холоп боярский.

Разговаривая таким образом, Тудор снял с жаровни лоточек и на дне лоточка стал делать насечку; затем он насыпал в каждую подготовленную ячейку порошок из разных горшочков, смешав предварительно эту массу с водой.

Заполнив ячейки по перегородкам эмалевым порошком, мастер снова поставил свой щиток на жаровню, чтоб масса расплавилась. Сняв с огня свой щиток, Тудор стал шлифовать его, с тем, чтобы золотой фон, эмаль и золотые перегородки представляли одну гладкую сплошную поверхность.

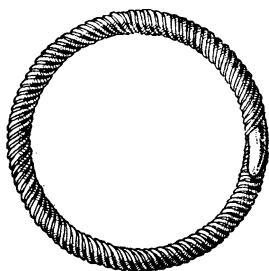
Тщательная шлифовка делала это изделие особенно стойким и прочным.

— Оба одинаковые щитка будут скреплены одной дужкой и спаяны друг с другом, а потом украшены жемчугом, — объяснял Тудор Ждану. — По всему миру расходятся киевские перегородчатые эмали. Многие, приезжая из Греции и из иных земель, говорят, что нигде в мире нет таких красивых работ, как в Киеве; и в чужих странах делают колты наподобие наших, — прибавил не без гордости Тудор.

Ждан задумался, любуясь колтом, изделием Тудоровых рук.

— А что за цветные обручики валяются у печки? — спросил Ждан, нагибаясь и поднимая с пола зелёные, жёлтые и синие кольца.

— Это стеклянные браслеты, их надевают на руки киевские красавицы.

Стеклянный браслет.

— Я никогда не видел таких.

— Ведь ты до сей поры не выезжал из села, а в сёлах таких не носят, — там больше украшаются медными обручами, а чтобы сделать стеклянный браслет, для этого надобно большое умение... Но всё же сделать такой стеклянный браслет много проще, чем эмалированный колт; прежде всего требуется приготовить стекло...

Ждан не спускает глаз с Тудора.

— Расскажи, как ты przygotowляешь стекло, — просит он.

— А вот как, — начал Тудор. — С берега реки ты принесёшь или привезёшь обыкновенный речной тонкий песок...

— Песок? — переспросил Ждан. — Из песка ты делаешь стекло? Вот так чудо!

— Нет, одного песка мало. Нужна еще древесная зола из клёна, вяза, ясеня, затем соль и известь. Всё это ты зальёшь водой и поставишь плавиться на огонь. Горячая жидкость стекает на нижнюю часть плавильной печи.

— А почему стекло у тебя зелёное?

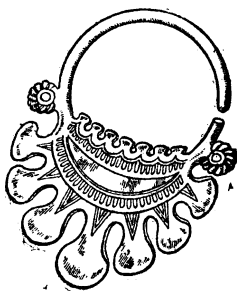
— Для окраски стекла в зелёный цвет в расплавленную массу я прибавляю медь. А если прибавить сюда ещё и глину, стекло становится синезелёного цвета, сера или уголь даёт стекольной массе жёлтый оттенок; на нижнем Днепре находятся залежи такого вещества, которое окрашивает стекло в фиолетовый цвет.¹

— А потом стекло застывает и делается твёрдым! — догадывается Ждан.

— Да, правильно! Но, покуда оно не застыло, из расплавленной стекольной массы изготовляют жгут, свёртывают его в кольцо. Это и есть браслет.

Так чудесно рассказывал старый Тудор и так ласково с ним говорил, что Ждан осмелел и спросил отцова друга, много ли в Киеве таких умельцев, как он.

Мастер улыбнулся и ответил, что весь Киев полон ими.

Золотая серьга.

¹ Марганец.

— Горшки, посуду и поливные плитки для строений делают из глины, а её так много совсем близко отсюда, под горой. Эта улица так и называется Гончары, — ответил старик, — а за гончарами живут кожевники; они мнут кожи, красят их и шьют из них обувь. Улица, где живут кожевники, носит название: Кожемяки.

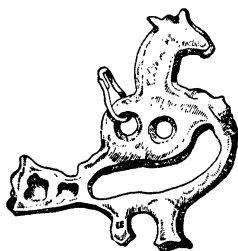
Много народу, почти всё население города, если не считать князей и дружинников с их слугами, — все умельцы, все мастера, «ремесленники», и не все они в холопах у бояр, есть и свободные люди.

Жданке сильно захотелось познакомиться с киевскими «умельцами».

Тудор сказал Ждану, что недалеко от Гордятино́го дома — надо только пройти сквозь Софийские ворота, — по ту сторону вала живёт большой мастер, искусный в резьбе по кости.

— Спроси Миронегу, — всякий покажет.

Жданко поглядел на спящего отца. Тудор махнул рукой: «Дескать, иди, не бойся, объясню отцу».

У КОСТЕРЕЗА

Робея и смущаясь, Ждан тихонько стукнул в дверь Миронегова жилища.

Дверь приоткрылась и на пороге показался белоголовый мальчик, примерно одних лет со Жданом. Он недоверчиво покосился на неожиданного гостя и, загораживая вход, буркнул:

— Чего тебе?

Когда Ждан стал объяснять, что он приезжий из Василёва, сейчас идёт от Тудора, — изнутри раздался мужской приветливый голос, приглашавший Ждана войти. Навстречу ему приближался высокий, плечистый человек со стриженными в кружок темнорусыми волосами.

— А ты, Глебко, занимайся своим делом! — сказал он мальчику.

Тот отошёл в угол и стал что-то вытачивать на круглом станке.

Когда Миронег узнал, что Ждан хочет посмотреть на его мастерство, он широко улыбнулся и показал кучу наваленных друг на друга огромных ветвистых рогов.

— Вот с чем работаю! Киев окружён дремучими лесами, в лесах много зверья: и волки, и медведи, и лоси, и вепри (дикие кабаны), но приманчивее всех зверей для

охотника олень. Рога оленя особо ценятся — это хороший материал для костерезов. Однако самая любимая, самая ценная кость — «дорог рыбий зуб». Об этом «зубе» и в песнях поют, и в сказках сказывают:

«Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точёные,
Каждая с маковой-жемчужинкой,
Подворотня — дорог рыбий зуб».

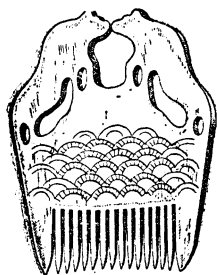
— А что такое «дорог рыбий зуб»?

— Это моржовые клыки. Моржи водятся в северных студёных морях. Плавают там толковые люди — новгородцы, бьют моржей, добывают кость.

Миронег стал рассказывать далее, что моржовая кость очень прочна, красива и удобна для обработки. Из неё выделывают ларцы, украшенные тонкой резьбой. Слава об этих драгоценных костяных ларцах идёт по всем землям. Если князь или знатный муж захочет сделать ценный подарок кому-нибудь из своих друзей, он, наравне с мехами горностаев, соболей и белых волков, дарит им и изделия киевских златокузнецов и костерезов: ларцы, рукоятки мечей, кинжалов и дорогие гребни — «чесала».

Резчики по кости работают и на продажу, для торговца.

Миронег рассказывает, что часто он с Глебом выносит на Бабин торжок пуговицы и уховёртки, которыми чистят в ушах; а иногда мастер с учениками спускаются под горку, на Подол, на большое торговщище, что близ пристани.

Гребень
с медведями.

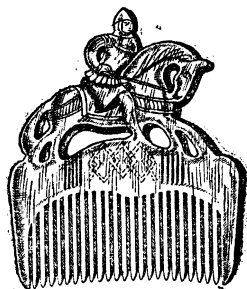
— Иные покупатели, — рассказывает далее Миронег, — набирают целые короба дешёвых гребешков, пуговиц, игрушек и отправляются в ближайшие городки и селения и там, уже от себя, продают то, что накупили на киевском торжище. А когда весь товар распродадут, то с опустевшими коробами возвращаются в Киев за новым товаром.

Ждану хочется узнать, как обрабатывается кость.

На столе мастера лежит нож. Это его главный инструмент. Костерез ножом режет кость, как дерево. Рядом с ножом Ждан замечает маленький железный двузубец.

— Для чего этот двузубец?

— А вот для чего. — Миронег приставляет одну ножку двузубца к костяной поверхности, образуя таким образом точку, вокруг которой он другой ножкой описывает окружность. Получается «глазок». Такие «глазки» соединяются друг

Гребень с всадником.

с другом полосками и линиями, прямыми и косыми.

А вот и несколько готовых изделий Миронег. Ждан внимательно рассматривает «чесало» (гребешок) с высокой спинкой, а на спинке — фигуры медведей. На спинке другого гребня вырезан всадник с конём; здесь же и двухсторонняя расчёска: одна сторона состоит из толстых, редких зубьев, а другая из тоненьких, густых, — это «частый гребешок».

— Зубья гребня могут быть нарезаны только пилкой.

Пилка лежит рядом с ножом, двузубцем, напильником и сверлом.

— А ну-ка, погляди! — Миронег вынул из стоявшего рядом ларца небольшой гребешок в костяном футляре, а футляр с медными накладками и медными заклёпочками. Гребешок убирается в футляр, как складной ножик.

Миронег сказал, что сделал этот гребешок для иноземного купца и возьмёт за него большие деньги.

— Наша резьба дорого ценится в чужих землях, — так и называют её: «резьба руссов».

Глебо, стоявший до сих пор молча в углу, неожиданно закашлял, напоминая мастеру, что он тоже не последнее лицо в этой мастерской. Но Миронег не забыл о Глебе, который выделяет прехитрые вещи.

— Гляди, Ждан! — Миронег взял из рук Глеба маленькую фигурку, изображающую башню, будто выложенную из камня, а наверху башни — зубцы, как на настоящей городской стене. А вот — ладья, вот слон, вот всадник на коне, а есть и пешие воины, со щитом и в шеломе.

Шахматы.

Ждан подумал, что ему показывают детские игрушки, но Миронег и Глеб рассмеялись так громко, что Ждан покраснел и готов был обидеться. Миронег добродушно поглядел на него и стал объяснять, что шахматы не детская, а мудрейшая игра для взрослых и разумных людей.

— Поучись!

Миронег вытащил из большого ларца костяную доску, расчерченную квадратиками. Одни квадратики были выкрашены чёрной краской, другие оставались белыми; затем он стал расставлять на доске фигуры: на одной стороне чёрные, на другой — белые. В первом ряду стоят пешие воины, во втором — конники, башни, слоны и две фигурки, которые больше всех остальных.

— Это князь; его называют в игре «шах», а рядом с ним его главный защитник и военачальник — «ферзь». На доске в точности поле битвы. Два войска сражаются друг против друга. Выиграть сражение, взять в плен князя — объявить ему «мат» — вот задача играющих. Когда раскроются перед тобой пути этой игры, ты увидишь ход боя и снаряжение его! — Миронег показал Ждану: — Вот гляди, — пеший воин идёт только прямо, конь скачет наискось. Всё войско защищает своего князя (шаха), а ферзь не отстаёт от шаха; когда противник забирает в плен ферзя, то приходит конец, шаху объявляют «мат», то есть смерть князя.

Миронег садится с Глебком за шахматную доску, а Ждан присаживается и молча, внимательно наблюдает, как оба игрока передвигают фигурки.

— Но чур, — предупреждает Миронег, — только раздается стук в дверь, я быстро сброшу фигурки с доски и спрячу то и другое. Неровён час, явится какой-нибудь чернец из монастыря, предаст он нас проклятию, а фигурки прихватит с собой. Монахи считают шахматную игру «бесовским измышлением», — пояснил Миронег.

До позднего вечера сидел Жданко в гостях у «костяных дел мастера». Миронег показывал свои изделия, одно

хитрее другого. Жданке всё казалось необыкновенно чудесным.

Мальчики весело смеялись, когда вспоминали, как не-приветливо поначалу встретил Глебо товарища.

— Уж не монах ли, — думал, — идёт!

За один день сдружились Ждан с Глебкой. Как бы ладно было побродить вдвоём по городу, наглядеться вдоволь на киевские красоты, поглядеть на дворцы и терема!

Миронег разрешил Глебу прогулять со Жданом весь следующий день.

ВОСКРЕСЕНЬЕ В КИЕВЕ

Следующий день было воскресенье.

Весело в Киеве по воскресным дням!

Жданко с Глебкой, взявшись за руки, вышли из Миронегова дома у Софийских ворст. Перед ними широкая улица, залитая ярким утренним солнцем. Над их головами синее-синее небо, в лицо веет лёгкий ветерок, приносит запах леса, цветущих кустарников.

А народу на улице, народу!

Вот показалась повозка, запряжённая шестёркой гладких, холёных коней. На конях позлащённая сбруя, а в повозке восседает какой-то знатный муж. Корзно на нём синее с золотой каймой по низу, на правом плече золотая с жемчужиной запона (застёжка). Распахнулось корзно, и видно под ним узкое одеяние алого цвета с золотыми петлицами. На голове шапка с красным верхом.

Жданко остановился, глазаёт на незнакомца, на коней его, выступающих горделиво, на их расчёсанные шелковистые гривы. Впереди и позади роскошной повозки бегут слуги, холопы.

— Глебо! А Глебо! Кто этот муж? Знатен, видать, да богат! Сколько на нём золота! А мы-то с тобой!..

Жданко бросил взгляд на Глебину короткую холщёвую рубашку с костяными пуговицами, подпоясанную узким ремешком, на штаны, замотанные онучами.

Никогда до сего дня не замечал Ждан, что он бедно

одет. Все в его селе одеваются так же, как он. У кого поновее рубаха, у кого постарее — вот и всё отличие.

А сейчас он увидел впервые, какая разница между ним, сыном смерда, и знатым мужем.

— Кто это? Кто? — настойчиво допытывается Жданко у Глеба, а Глеб и сам не знает, — он тоже недавно живёт здесь. Приехал с той стороны Днепра, из-под города Переяславля, и, кроме Миронегова дома и торговища, ничего почти не видел в стольном городе.

— Может быть, князь, а может, и боярин какой. Кто их распознает! Одно только видно — не нам чета! А вот гляди-ка: иноземцы!

К стене, что отделяла град от остального Киева, подошли два человека в широких и длинных плащах, а на головах у них шляпы с перьями, и перья от ветра колышутся. Один иноземец постучал пальцем в стену и что-то сказал своим спутникам. Не понимают их языка Ждан с Глебом, но кажется им, что хвалят гости киевское сооружение: «Надёжная, дескать, крепкая стена, умеют строить русские!»

Но некогда Жданке с Глебом разглядывать заморских гостей. Бежит толпа через Софийские ворота, бегут люди к главной городской площади, будто торопятся, боятся опоздать куда-то; и Жданко с Глебом тоже бегут за толпой. Стиснули их со всех сторон, и с боков и сзади; хочется пробраться вперёд, да не тут-то было! Остановилась толпа. «Стой! Не шевелись!»

Образовалось свободное пространство. Неведомо откуда, не то из подворотни, не то из соседней улочки, вынырнули скоморохи. Хорош главный скоморох! На голове у него высокая остроконечная шапка, вся в бубенцах, а на рукавах, что длиннее рук, тоже зашиты бубенцы. Скоморох размахивает длинными рукавами, точно птица крыльями; потом он высовывает руку из рукава и вытаскивает дудку, и начинается весёлая песенка: «Ай дуду, ай дуду!» Вдруг откуда ни возьмись коза и давай притаптывать, приплясывать не хуже са-

Скоморох.

мого скомороха. И что за диво! Коза затянула песенку тоненьким голоском.

— Человечьим голосом поёт, по-русски!

— Вот так чудо чудное! Ай да коза-козлища!

А коза вдруг остановилась, поднялась на задние лапы, а передними распахнула козлиную шкуру, — и все на площади увидели, что это вовсе не коза, а человек; и все смеются, в ладоши хлопают, и видит народ: ещё одна коза пришла, только наряд на ней женский — длинная рубаха, подпоясанная алой лентой, на голове алый платочек, а с рогов спускаются украшения — подвески, медные проволочные большие кольца. Коза всё скачет и кружится на месте, только уже не поёт человечьим голосом, — сразу видно, что это настоящая коза.

— Гляди, гляди! — теперь уже видят друзья, что на том месте, где только что плясали скоморохи с козой, стоят три человека. Два из них держат в руках длинный шест, такой гладкий и скользкий, будто был он вымазан маслом, а третий человек кувыркается на этом шесте, зацепившись за него только пальцами ног, а руками размахивает в воздухе.

Ещё сильнее народ напирает сзади и с боков.

Жданко с Глебом крепко держатся за руки, чтоб не вытолкнули из переднего ряда, куда они с великими усилиями добрались.

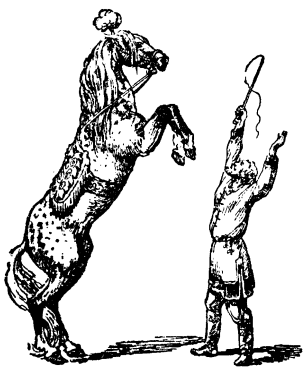
Отсюда так хорошо всё видно!

Не успели затеряться в толпе трое молодцов с длинным шестом, как на освободившееся пространство прибежала учёная лошадь, и конюх с ней рядом.

Лошадь то становится на передние ноги, а задними болтает в воздухе, то поднимает передние и ходит на двух задних ногах, а хвост волочится по дороге.

— Как человек, совсем как человек! — вне себя от восторга кричит Ждан.

Вместе с ним веселятся и радуются все люди на пло-

Учёная лошадь.

щади, хвалят умную лошадь; кто угощает её медовой коврижкой, кто гладит по крутым бокам и хвалит конюха, что выучил её всем этим штукам.

А солнце больше и больше припекает, жарит уже во-всю. У Глебка лицо лоснится от пота, а некогда стереть его.

— Хоть бы испить чего-нибудь!

Будто подслушав Глебкино желание, протискивается сквозь толпу человек с корчажцем на плече и деревянным ковшом в руке.

Он протягивает свой ковш, наполненный пенящимся холодным напитком.

— Квасу, квасу, яшного доброго квасу! Не угодно ли квасу?

— Давай, давай! — пересохшими губами Глеб принимает к краю ковша и жадно втягивает охлаждающий напиток.

А в это самое мгновение из-за стены ближайшего терема вынырнул человек, весь с головы до пят укутанный чёрным плащом, да такого громадного роста, что голова его касается перил княжеских хором.

— Как это могут родиться на свет божий такие великаны?

И все кругом удивляются, ахают, охают.

Но вдруг, откуда ни возьмись, какой-то озорной мальчишка бросился наперерез великану, схватил его за полу плаща, отвернул её, и все увидели — две высокие деревянные палки с подставками, а на подставках стоит человек, ростом с Миронегу или со Жданкиного отца — Петрилы.

— Ходули! Ходули! — закричал народ на площади. — Самый обыкновенный человек, а вовсе не великан!

— Вот как обманывают честной народ! — шутки и смех разносятся в толпе.

В это мгновение народ расступился и дал дорогу богатым повозкам, что отъезжали прочь с места игр.

— Надоело, видно, знатным мужам глядеть на забавы людей киевских! — раздался позади Ждана чей-то натруженный, с хрипотцой мужской голос.

Продавец кваса.

— Да и зачем им глядеть на игрища здесь, в толпе, когда вольны они позвать к себе во дворец и скоморохов и игроков, — отозвался в ответ чей-то другой голос.

— А вот и Гордыта! Видишь, на коне!

Жданко обернулся на Глебкины слова и увидел большого, тяжёлого коня золотистой масти, который нёс на своей могучей спине еще не старого, но грузного человека с холеным и самодовольным лицом. То ли отстегнулась застёжка, то ли сам Гордыта спустил своё корзно, но теперь видны были плотная, крутая шея и круглый вырез ворота с нашитыми на нём драгоценными камнями и золотыми украшениями.

— Это тот самый Гордыта, который закабалил Тудора?

Глебко кивнул головой.

— Охота, вишь, ему держать на своём дворе такого искусника, украшаться трудами его рук!

«Проклятый», — подумал со злобой Ждан, но тут видит — с Бабина торжка бегут девушки. На шее у них разноцветные бусы да медные гривны, да пёстрые колты, на голове повязки, к повязкам прикреплены большие кольца из медной и серебряной проволоки.

Взявшись за руки, девушки запели в лад:

«Пришла матка —
Весна красна!
Дни тёплые!
Добры кони во луга пошли,
А красны девушки на улицу...»

Вот уже другую песню поют:

«Как по улице воробушек поскакивает;
Ай лёли, ай лёли, да поскакивает.
Красных девушек, молодушек
На игрища зовёт...»

Потом завели девушки игру:

«Утка шла по бережку,
Серая по крутому,
Деток вела за собой...»

Девушка, изображавшая утку-мать, стала расставлять своих подружек и приговаривать:

«Деток вела за собой:
Малого, большого,
Середнего, меньшого...»

Вдруг пропал один утёночек; захлопотала старая утка, забеспокоилась, ищет свою пропажу, забегаёт то вперёд, то назад. Из толпы на площади выбегают ещё девушки, помогают утице искать её дитя; бегают, мечутся в игре девушки, и опять смех, и опять шутки.

Неожиданно запел сильный девичий голос:

«Ой ладо, ой ладо!
На кургане соловей гнездо завивает,
А иволга развивает...
Ой ладо, ой ладо!...»

Ещё пуше разыгрались девушки; вот присоединились к игре юноши. Затеяли новую игру — жмурки. И Ждану пришла охота замешаться в толпу играющих. Он неуверенно входит в круг, лицо пылает жаром, волосы слиплись над лбом, застенчивая улыбка застыла на губах. стыдно ему и весело!

Вокруг него бегают девушки, смеются, хлопают в ладоши. Девушка, изображавшая перед тем утку-мать, вынимает синий с красной каймой платок, завязывает Ждану глаза:

— А ну-ка, лови!

Стоит Ждан, широко расставив ноги, с повязкой на глазах, и беспомощно шарит руками в воздухе, долговязый, смешной. Кто-то подбегает к нему, ударяет по плечу, но только двинет Ждан рукой, чтобы поймать озорника, а там нет никого, только издали доносится весёлый гомон и хохот. Глубеке стало жалко друга, надо выручать Ждана, и он нарочно подвёртывается ему под руки.

— Поймал, поймал! Надевай повязку!

Долго бы ещё резвилась молодёжь, если бы не раздалось в толпе:

— Тише! Тише! Гусяры!

Площадь мгновенно затихает, толпа раздвигается, даёт дорогу гусярам. Один за другим гуськом они проходят к статуям, что привезены из греческого города Корсуния, и садятся у подножия статуй, и несётся уже медлительная песня «гуслей звончатых».

Самый старый из певцов, с седой кудрявой головой, начинает:

«Высота ли, высота ли поднебесная,
Глубота ли, глубота океан-моря!
Широко раздолье по всей земле!
Глубоки омуты днепровские. . .»

Потом поднялся со своего места следующий гусярь, в белой свите и с пёстрым кушаком, поднялся, поклонился во все стороны народу и начал:

«Благословите, братцы, старину сказать,
Старину стародавнюю. . .»

И льётся под нежные звуки гуслей песня о том, как «у князя Владимира Красное Солнышко было пирование — почестной пир на многих князей, на бояр, на русских могучих богатырей и на всю поленицу удалую».

А затем пели гусяры о том, как преславный богатырь Илья Муромец, защитник сырых и убогих, боролся против Идолища Поганого; а потом ещё и ещё пели гусяры, как поссорился Илья с князем Владимиром и как он, обиженный, отъехал от княжеского двора.

Когда же солнце стало клониться к западу, гусяры, все в белых свитах и с гусями через плечо, поднялись со своих мест, снсва поклонились народу и гуськом, как и пришли, двинулись через площадь в обратный путь.

Мало-помалу пустела площадь. Люди расходились по домам в разные стороны. Не хотелось Ждану расставаться с новым своим дружком, и он отправился вместе с Глебом к Софийским воротам. Прошли ворота и остановились в восхищении. Перед ними был сад. Спросили прохожего человека, что за сад такой.

— Велик сад, тянется до Софийского собора, — сказал он. — Разведён сад покойным великим князем Ярославом, прозванным Мудрым.

Заглянули сквозь густой кустарник. Увидели водоём, обложенный камнями, и деревья диковинные, и птицы летают пёстрые, красивые. Как же в сад проникнуть? Боязно. . . но ничего, решились; прошли сквозь кусты, потом на тропочку, сели на каменный край водоёма, а в водоёме плавают утица серая, с зелёным хохолком, медленно так плавают, притомилась, видно. Вот она уж закрыла крылышками голову и задремала.

А Глебо со Жданом то ли утомились после весёлого праздника, то ли какая-то забота овладела ими, но они сидели молча, каждый думал своё.

Глеб первый прервал молчание: заговорил о гусях, что поют песни о богатырских подвигах.

— Степь от Переяслава рукой подать, и не ждут у нас, чтобы из Киева пришёл богатырь защищать нашу землю. Ты, Ждан, не видал половцев?

— А ты?

— Работал я с отцом на пашне, — продолжал Глеб, — как бы не слыша вопроса Ждана, — и вдруг, с гиком, с посвистом, точно коршуны, налетели из степи проклятые вороги, натянули тетиву, зазвенели стрелы, а мы безоружные! Примчались злодеи близёхонько, рубят саблями... отца моего зарубили...

Ждан широко раскрыл глаза, глядит на своего дружка. Глеб говорит тише, прерывисто дышит.

— Я отполз в траву... густая трава... не заметили меня. А когда ночью притащился к селищу, где стояло жильё... ни брата, ни сестрёнок... ни матери.

— Ну и как же ты?

— Одни развалины... И скотину увели!

Ждан не отрывал глаз от побледневшего лица Глеба.

— У нас есть люди, так и зовём их «храбрами»... Из соседнего селища бросился вдогонку за злодеями Кудей Матвеевич с пятью товарищами... отбили полон... сестрёнку одну мою... привели обратно... И вот мы пришли в Киев... Так и живём с тех пор у Миронег... Хороший человек Миронег... Какой хороший... — Глеб вдруг поднялся с места, тяжело перевёл дыхание: — Скоро ночь на дворе, пора по домам!

Ждан посмотрел на небо. Солнца уже не было видно — только красные и жёлтые полосы...

ГОНЧАРЫ

Не один раз после весёлой воскресной прогулки пробирался Ждан в дивный княжеский сад, где он был с Глебком.

Он думал всё о своей судьбе, будущем. В село возвращаться нельзя — так говорит отец, да и не хочется Жданку возвращаться к прежней жизни, к той работе, к которой приучен он с малолетства. Одно желанье им владеет теперь: только б остаться в Киеве, только бы не уезжать! Жалко матери, ну да и она, прощаясь с ним, говорила: «Останься в Киеве! Радости у нас мало здесь! Становись мастером-искусником! Мы к тебе уже приедем и будем снова все вместе!»

А как мастерство изучить! Да мало ли в Киеве искусников! Сам Тудор — большой искусник, с радостью взял бы он Ждана к себе и выучил его всему тому, что сам знает, но для чего Жданку связывать свою судьбу с несвободным человеком, с боярским холопом?

И не заметишь, как завязнешь в лапах боярских, точно муха в паутине.

И о Тудоре вспомнил, как попал он в кабалу к Гордате.

Боярин проведаль об его искусстве, позвал к себе в хоромы, дал ему малую золотинку и приказал — выковать

из той золоти́нки тоненькую цепочку. Работа Тудору показалась пустяковой, а вот приключилась беда!

Пришёл он домой. Не стал, на ночь глядя, приступать к работе, спрятал ту золоти́нку в глиняную мисочку, накрыл её крышкой и лёг спать, а наутро, только собрался приняться за дело, — открыл крышку, а в мисочке пусто — исчезла золоти́нка! Как будто бы унёс её кто-то, а кажется, в доме никого чужих не было. Всех повыспросил: жену, детей. Отпираются — «не брали». Всё перерыл, все углы, все щели пересмотрел — нигде не видно золоти́нки.

Пришлось итти с повинной к Гордята.

— Иду, а руки и ноги трясутся от страха... Сидит боярин на дорогом своём стольце.¹ Однако не гневен, ногами не топает, не грозитя, не кричит, только бороду поглаживает, милостивый такой, усмехается...

— Не велика беда та золоти́нка! Я другую дам, а ты отработаешь потерянную... Долго ли такому умельцу, как ты!

И ласкает Гордята Тудора. Денег вдоволь даёт, и блюда сладкие засылает со своего стола, и одежду дорожную дарит, а всё более и более втягивает златокузнеца в кабалу.

Не вырваться теперь мастеру, никогда уж не вырваться из боярских паучьих лап.

— А как же первая золоти́нка пропала? — спрашивает Ждан.

— Думаю, что пропажа та — дело Гордятиных рук. Видишь ли, вспомнил я потом, что к вечеру, когда я спать лёг, приходил слуга боярский, принёс мне кувшин заморского вина. Вот он, верно, и взял незаметно... Запутался я... и погиб. Теперь живи не по своему умению, а по Гордятиному хотению. Нет, уж лучше отойди от меня, — говорит Тудор Ждану. — Поищи лучше свободного человека. Много в Киеве великих искусников. Поищи, походи, подумай!

Лёгкое ли дело подумать! А тут еще отец его, Петрило, с тревогой всё вспоминает о родном селе. Что-то делается дома? Ведь вот коня Воронка он увёз с собой в Киев, а конь-то не «свойский», не собственный, а боярский; а вдруг Гордята или кто-нибудь из его тиунов захо-

¹ Столец — кресло.

Тудор пришёл к боярину.

придумывает предлог, чтоб познакомиться с разными мастерами.

Сидит Ждан на каменной скамейке и глядит вокруг себя. Вон вдали от него высится стена. Мудрёное дело такую стену сложить, а ещё мудренее кирпичи эти — плитки изразцовые — приготовить, узор на них вылить.

Посмотреть бы, как это делается!

«Внизу под горой, где расположен град, — залежи глины. Тут и живут гончары», — вспомнил он Тудоровы слова.

Ждан поднялся со скамьи и пошёл обратной дорогой к Софийским воротам. Налево от ворот тянется вал, на валу бревенчатая стена. Жданко взбежал на вал, приткнул глазом к щели между брёвнами. Глядит: так и есть, как говорит Тудор; улица в узкой ложбине между холмами. На улице стоят дома ремесленников; они тесно приткнулись друг к другу!¹

Ждан оглянулся, поглядел направо, налево — никого нет.. пустынно! Решился...

Вскрабкался на стену — высока стена, трудно её одолеть!

«А вдруг заметит городской страж и подумает, что какой-то лиходея забрался?» Но нет никого: покойно, тихо!

¹ Эта улица под тем же названием «Гончары» существует в Киеве и в настоящее время.

Ждан перемахнул через стену, прыгнул на землю... земля глинистая, ноги вязнут: одну вытащишь, другая скользнёт. Упал, но не разбился, только больно оцарапался, — склон вала порос колючим кустарником. Однако Ждан поднялся, стал на ноги, огляделся вокруг. Где же это он очутился?

Вот лежат на земле деревянные рамы, заполненные глиной; глина еще совсем сырая. Чуть подалее навес; под навесом сохнут уже готовые кирпичи. Солнечные лучи проникают сквозь дырявую крышу, сушат их, а ветерок обдувает.

Ждан догадался. Он во дворе у какого-то гончара — вон из дверей дома выбежало двое ребят: мальчик и девочка. Они босиком, простоволосы, в одних сорочках. Мальчик вскочил на раму, резвыми ножками топает по сырой глине. Девочка тоже хочет вскарабкаться вслед за мальчиком, но ей никак не взобраться: она очень мала. Откуда-то из-за угла дома выскакивает коза и тоже лезет на раму; девочка цепляется за козлиные ноги, коза брыкается, и все вместе они топчут глину.

Жданко кричит ребятам:

— Уходите отсюда тотчас же, вы портите кирпичи, уходите, а не то я вас!..

Дети обернулись на Жданкин крик, испугались, увидя незнакомого человека, и закричали во всё горло. На ребячий крик из-под навеса выбежал человек с засученными рукавами, весь вымазанный глиной, черноглазый, взъерошенный.

Увидя незнакомца, гончар нахмурился. Спросил отрывисто:

— Лезешь чего без спросу? Чего высматриваешь?

Ждан смутился, стал просить прощения, что явился во двор.

— За такие дела знаешь, что бывает? — сказал мастер и при этом так выразительно посмотрел на Ждана, что тот струхнул не на шутку.

— Прямая улица тянется от Софийских ворот к моему дому, а ты скажешь ко мне с вала? Что за прыть такая? За это дело ответить надобно!

Жданко, красный от огорчения и стыда, стал объяснять гончару, что он худа не мыслил, а просто не знает дорог и улиц киевских, — приезжий он.

— Сказали мне: «гончары под горой», — а не объяс-

нили, как пройти, вот я и свалился нежданный, угодил прямо в твой дом.

Мастер ещё раз взглянул на Ждана; простодушное, растерянное лицо малого смягчило сердце гончара, и он сказал:

— Раз свалился, так и рассказывай, что тебе от меня надобно.

Жданко объяснил, что выучиться хочет мастерству его.

— За ученье платить требуется! — строго ответил гончар.

— Да я и заплачу! — робко пролепетал Жданко, а у самого душа ушла в пятки: чем же он заплатит?

— Хочешь знать, как я работаю? Не так это дело просто, чтоб первому встречному показывать. Уж больно ты хитёр, малый! Откуда такой выискался?

Гончар продолжал недоверчиво разглядывать Ждана, ворча при этом:

— Мастерству научиться хочешь! Вот так сразу тебе и раскрой все тайны! Я, может быть, век свой мастерству учусь, ума-разума набираюсь, а тебе вот так всё разом и выкладывай!

Ждану так стыдно, что он разом провалился бы сквозь землю, только бы не слушать нареканий гончара!

Жалкий вид малого окончательно убедил мастера, что перед ним не лиходея какой-нибудь и не хитрец, пришедший выпытывать тайны ремесла, а простодушный малец, который впрямь может стать ему добрым помощником.

— Ну, ладно, так и быть! Вот гляди!

Мастер подвёл Ждана поближе к навесу и улыбнулся. Мелкие морщины собрались у глаз и побежали во все стороны.

— Гляди: кирпич просох. Я лью на него цветную поливу, а затем обжигаю в печи.

Гончар показал на горн, стоящий у подножия вала.

— Вот видишь! — мастер подошёл к горну, вытащил из него щипцами блестящую и гладкую глиняную плитку. — А вот погляди, что будет дальше.

Гончар прошёл под навес и принёс с собой тигелёк¹

¹ Тигелёк — сосуд из огнеупорной глины для плавки металла или стекла.

с двумя ячейками, насыпал в одну ячейку жёлтый порошок, а в другую — синий. Порошок был похож на тот, который Ждан видел у Тудора.

Мастер поставил тигелёк на жаровню. Когда порошок расплавился и превратился в жидкую массу, мастер стал выливать её на кирпич, обращая тигелёк носиком то в одну, то в другую сторону. Затем он взял гвоздь и стал остриём разрывать полосы, вверх и вниз, — получилась ломаная линия с закорючками то синими, то жёлтыми.

— Как это красиво и делается просто! — воскликнул Ждан.

Гончар громко рассмеялся.

— Просто? А ну-ка, попробуй! — и мастер протянул Ждану тигелёк.

Ждан неуверенной рукой взял его из рук гончара и, неловко поворачивая «ल्याчку», стал выливать содержимое на кирпич. Но совсем не то, что у мастера, получилось у Ждана. На кирпиче образовалась дрожащая расплывчатая полоска.

Ждан понял, что он испортил плитку, и очень растерялся.

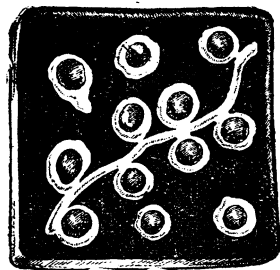
А мастер смеялся:

— Вот и не так просто, как ты думал, и не так красиво. Не печалься! — сказал он, видя, что Ждан действительно сильно огорчился и даже слёзы выступили у него на глазах. — Ничего не делается сразу, надо сперва поучиться, поработать! Скажу прямо — полюбился ты мне! Иди домой сперва, поговори, с кем требуется, а потом приходи снова. Ежели надумаешь, — будешь моим подмастерьем, а пока возьми на память гостинец. Подожди маленько!

Мастер ушёл в дом и тотчас же вернулся, держа в руках что-то блестящее, узорчатое.

— Послушай, как звенит!

Гончар поднёс к Жданкиному уху глиняное яйцо, покрытое поливой, с точно таким же узором, каким были расписаны плитки: на коричневом фоне зелёные, синие и

Изразцовая плитка.

Киевский гончар.

жёлтые полоски, а от тех полосок в одну и в другую сторону идут кривульки, и действительно что-то звенит в яйце. Очевидно, оно пустое внутри, а мастер положил туда шарик, который издаёт звук.

Увидев красивую игрушку, Ждан покраснел и стал отказываться от подарка.

— Что ты?! Я ведь не малое дитя.

— А ты всё же возьми на память! — уговаривает его мастер. — Наши поливные кирпичи и яйца по всему свету гуляют, их можно найти и в стране варягов, и у чехов, и у поляков, и у немцев. Пойдешь на торжище — увидишь, сколько иноземных гостей покупают их!

Жданко обеими руками, бережно взял подарок гончара, боясь выронить искусно сделанную вещь.

Он простился с хозяином и спросил, как выбраться с этой улицы.

— Иди прямо — дойдешь до Кожемяк, по запаху узнаешь — чуешь, какой дух несёт оттуда?

Ждан втянул носом струю воздуха. Действительно пахло как-то по-особенному, чем-то кислым и неприятным.

— Хорошо носить кожаные сапоги, а вот поди-ка их сделай! — засмеялся гончар.

ЖДАНКО БРОДИТ ПО УЛИЦАМ

Выйдя из дома гончара и бережно прижимая к груди глиняное яйцо, Жданко направился в ту сторону, куда указал ему новый знакомый. Улица, по которой он шёл, была застроена такими же домами с деревянными крышами. Все дома были как один и все были похожи на тот, который он только что оставил. Во дворах лежали деревянные рамы; под навесами сохли кирпичи и глиняная посуда: корчаги, жбаны, кувшины, плошки и черпала. Кое-где во дворах и на улицах стояли горны.

Видит Ждан: какой-то человек накладывает дрова в топку; внизу горна — топочное отделение, а сверху — отделение для обжига; и гончар осторожно ставит туда сырые еще кувшинчики и два жбана, похожие на шары.

Редкие прохожие попадаютс Ждану навстречу. День сегодня будничный, и все работают по своим домам. Разве пройдёт кое-где женщина, несущая ведра на коромысле.

Вот плетётся старик с большой корзиной за плечами, а корзина полным-полна гончарной посуды.

«На продажу понёс, на торговщище», — подумал Ждан.

Спокойно на улице гончаров. Тишину нарушают только несколько босых ребятишек, которые играют с пятнистой собакой. Размахивая пушистым хвостом и высунув

Гончар несёт посуду.

красный острый язык, она то подбегает к ребятам, хватая их за подол рубашки или голые ноги, то отбегает прочь с заливистым лаем, будто приглашая догнать её. Ребята визжат и дразнят собаку.

Ждан постоял короткое время, поглядел на ребят и двинулся дальше. Он всё шёл и шёл и вдруг остановился в недоумении. Улица круто обрывалась. Перед ним протекала речонка, и ходу дальше не было. Жданко захотел было перейти речонку, он снял пра-

бошни,¹ засучил штаны, попробовал воду — холодна!

— Эй, малый! — услышал он голос. — Иди бережком, увидишь мостки.

Действительно, чуть подалее от того места, где он остановился, речонка делала крутую извилину. Тут и были положены мостки; по ним Ждан перебрался на другой берег. Не было сомнения, что это начиналась улица кожевников. Густой кислый запах дублёных кож стоял в воздухе.

Здесь были такие же низкие дома с деревянными крышами, как и на улице гончаров, и такие же дворы. Но вместо навесов, рам и печей-горнов в этих дворах стояли большие ящики из колотых деревянных плах; плахи были вставлены в пазы (отверстия) врытых в землю столбов. Это кожевенные чаны, в которых очищают шкуры животных от шерсти и волос, и они мокнут в кислом растворе, чтобы кожа сделалась мягче, податливее для обработки.

Ждан остановился у двора, отгороженного с улицы пятью низенькими столбиками, и стал наблюдать за работой человека, стоявшего у чана. Ждан видел только его спину и сильные мускулистые руки, которыми он мял большую воловью кожу.

По широкой спине, по мощному крутому затылку сразу было заметно, что человек этот крепок и силен,

¹ П р а б о ш н и — выворотные сапоги (то же самое, что поршни без голенищ; их носили сельские жители).

но нелегко давалась ему работа. Пот лил с него в три ручья; казалось, он только что вышел из воды и не успел вытереться. Ждан вспомнил слова гончара: «Хорошо носить кожаные сапоги, а вот, поди-ка, сделай их!» Вишь, как уморился такой крепкий человек, как этот кожемяка!

Жданко знал — кожевник его не видит, но ему стало стыдно: а вдруг обернётся мастер, заметит его и подумает: «Ишь, глазает бездельник!»

И впрямь — плохи Жданкины дела! Сколько дней ходит по городу, выбирает мастерство, а всё никак выбрать не может!

В эту минуту кожевник приостановился, вытер пот с лица, а Ждан поторопился отойти в сторону, чтоб не попадаться ему на глаза.

В следующем доме, у порога двери, какой-то краснощёкий малый укладывал кожаный товар на повозку, которую, очевидно, он приготовился увозить куда-то, может быть, заказчику или на торг, на продажу. Здесь были два узких кожаных пояса, один с медной, а другой с серебряной пряжкой, пять пар рукавиц и много обуви: высокие мужские сапоги с жёсткой подмёткой и железными подковами; были и прабошни, сшитые из целого куска мягкой кожи. Одни сапожки, совсем особенные, очень понравились Ждану: зелёные, нарядные, обшитые золотой тесьмой, и с пуговками в виде колокольчиков на боку! Таких сапожков Ждан никогда не видел вблизи. Наверное, они приготовлены для боярина или князя, — словом, для какого-то знатного мужа. И вспомнилось ему, как в воскресный день гуслар пел на площади:

«А на ножках сапожки — зелён сафьян,
Носы-то шипом, пяты востры.
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети».

И захотелось Ждану поговорить с краснощёким малым.

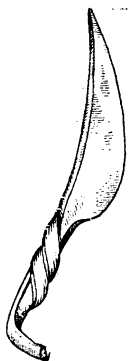
— Ты сам шьёшь такие сапожки?

Малый тряхнул вихрами и надул с важностью свои румяные щёки:

— А кому же шить, как не нам?

— И кожу мнёшь, вон, как тот человек?

Жданко кивнул в сторону широкой обнажённой спины мастера, который снова принялся за работу.

Сапожный
нож.

— Да! Мы и кожи мнём, мы и сапоги шьём, всё мы!

Малый показал Ждану большой сапожный нож, лежавший на пороге.

— Этим ножом крою, шилом дырочки прокалываю, продеваю толстые, крепкие нити, а когда и проволоку бронзовую, как в зелёных сапожках, что тебе полюбились!

Малый неожиданно громко рассмеялся:

— Видно, тебе больше дела нет, как ходить с глиняной игрушкой и выпытывать новость что у добрых людей.

Жданко заделал за живое смех и слова краснощёкого малого. Он в долгу не остался:

— Ишь, заважничал! кожемяка несчастный!

Кожеляка отставил свою тележку, засучил рукава и стал наступать на Ждана.

— Как ты сказал?! А ну-ка повтори! Бездельник!

Не успел Жданко открыть рот, чтобы дать достойный ответ, как румяный паренёк схватил его за шиворот и толкнул. Ждан поскользнулся и упал со всего размаха в глинистую вязкую грязь, измазался и выронил из рук расписанное яйцо.

— Вот тебе, получай от «несчастливого кожемяки»!

Ждан с трудом выкарабкался из липкой грязи и, очищая рубаху и штаны, повторял сквозь зубы:

— Несчастный кожемяка ты и есть! Не очень-то я испугался тебя!

— Ты, верно, никогда не слыхал про Никиту Кожеляку, что жил ещё при князе Владимире, то-то богатырь был! Кожеляки все сильные! Неужто я бы с тобой не справился, если бы у меня время было! А только некогда мне с тобой язык точить и неохота руки о тебя марать. Скажи спасибо, что жив остался!

И, схватив оглобли, малый резво покатил свою тележку вниз с горы.

Жданко с досадой поглядел ему вслед, поднял оброшенное было яйцо и ещё крепче прижал к себе подарок гончара, но вдруг остановился. По ступенькам соседнего дома поднимался в это время какой-то человек. Он нёс в руках новое, повидимому только что купленное седло из жёлтой кожи. Человек был приметный. До сего времени Ждан не встречал таких: смуглое лицо, чёрные,

узкие, косо поставленные глаза, копна тёмных волос, свисающих над лбом.

«Кто это, кто?» — напряжённо думал Ждан.

Странный человек остановился, поглядел на своё седло, погладил его, прижал к своей щеке, понюхал и причмокнул в знак удовольствия: хорошее, мол, ладное седло!

Жданко думал, — кто же это?

Сердце Ждана колотилось всё усиленнее, всё быстрее и вдруг... ясное, яркое воспоминание: он с отцом в степи на работе, потом шум, заунывная песня, звук плети, Гнедка-коня увели... половцы... да это степняк, половчин... Вот он, исконный враг Руси, что налетает вихрем на родную землю, на пашни, убивает смердов, уводит в плен женщин, малых детей!

«Проклятый! Это он сам или его брат осиротил друга Глеба. А вот теперь ходит по Киеву, сёдла покупает... Как это киевский мастер продаёт злому кочевнику свою работу? И что делает половчин в нашем городе?! С этими людьми надо глаз зоркий иметь и ухо остро держать», — думал Ждан.

Когда Ждан очнулся от своих дум, половчина уже не было на улице, а впереди мелькнула знакомая спина.

«Глебко? Неужели Глеб вместо того, чтобы работать в мастерской костереза, разгуливает по улице кожевников?!»

Но Глеб не был похож на гуляющего человека; он не оборачивался, не оглядывался, повидимому сильно торопился.

Ждану хотелось позвать, окликнуть своего дружка, но он этого не сделал.

«Выслежу-ка я его, куда он пойдёт, дождусь, а потом напугаю».

Глеб постучал в двери одного дома, ничем не отличавшегося от остальных домов на этой улице, а Жданко, притаившись, стал ожидать его. Ждать пришлось недолго; скоро он услышал за дверью голоса: один знакомый, звонкий, а другой низкий, густой, очевидно принадлежавший пожилому почтенному человеку.

Новое седло.

Чужой голос говорил:

— Нет у меня пергамена!

А Глебкин — просил:

— Дай хоть парочку козлиных кож!

— Знаешь ведь сам, что козлиная шкура идёт на сафьян, из сафьяна сапоги шьют, а для книги годится только телячья кожа, из неё получают настоящий пергамен. Потерпи до пятницы: вынесу на торговщище — купишь там.

Глебко ничего не отвечал. Ждан представил себе ясно, как Глебко стоит за дверью и молча мнёт свою шапку, а вот выйдет на улицу — увидит друга, обрадуется и забудет о своём пергамене, а Ждан подарит ему глиняную игрушку!

Каково же было удивление Ждана, когда Глеб, увидя его, не только не обрадовался, а густо покраснел, потом побледнел и спросил хриплым голосом:

— Что ты здесь делаешь?

— Я тебя поджидал.

Глеб ничего не ответил и быстро зашагал от дома кожевника.

Жданко, однако, догнал его и спросил:

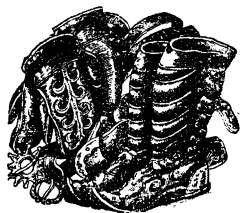
— Что с тобой, Глебко?

Но у него уже не было охоты отдавать другу полученный от гончара подарок. Он только неожиданно спросил:

— Глебко! Ты знаешь про Никиту Кожемяку?

Глеб повернулся к Ждану и только сказал: «знаю», а потом прибавил тихо, но внятно:

— Смотри, Миронегу не рассказывай, что ты меня здесь видел.

ПОЧАЙНА

Ждан крепко запомнил подслушанный разговор в доме кожевника; незнакомый голос говорил Глебе: «Приходи на торговище, там продам тебе кожу».

«Зачем Глебу понадобилась кожа? — думал Ждан. — И почему не рассказывает, таится от всех, от Миронег, от меня даже? Худое что задумал? Да нет, непохоже, чтоб Глебо, дружок мой верный, худое что-нибудь сотворил! Что же с ним?»

Дума эта мучила Жданко, а Глебо и вправду ведёт себя странно, — не разговаривает, избегает расспросов, бегаёт от Ждана, — «дело нечисто». «Да уж буду не я, если не дознаюсь». И Жданко решил: «Пойду-ка и я на торговище, встречу Глебу и выведаю, что у него на сердце, зачем таится от меня...»

Торговый день в Киеве — пятница.

В первую же пятницу Ждан отправился на Подол, где невдалеке от днепровского берега расположилась торговая площадь.

Ну как же по пути не заглянуть на Почайну?!

Почайна — приток Днепра и киевская гавань.

Множество людей едет в Киев, множество товаров они везут с запада, через Золотые ворота. И волокуши (две оглобли с прикреплёнными к ним досками);

и колы — повозки на колёсах, двухколёсные и четырёхколёсные; и возы с запряжёнными в них волами; и просто вьючные лошади, нагружённые сумами с двух сторон; и пешие люди с торбами на плечах — всё это валом валит в город через Золотые ворота; но ещё больше людей, ещё больше товаров прибывает в Киев с востока, Днепром.

Велика река Днепр, широка она и привольна!

В верховьях своих она близко подходит к тем речкам, что впадают в Ильмень-озеро.

Из Ильменя можно доплыть рекой Волховом до озера Невы (Ладожское), а оттуда рекой Невой — до Варяжского моря. В Варяжское (Балтийское) море южнее Невы течёт река Двина. Двиной попадёшь и в немецкие земли.

На юге Днепр впадает в море Русское (Чёрное).

Днепр соединяет море Балтийское с Чёрным. Это путь «Из варяг в греки», а на середине пути стоит великий город — «мать городов русских» — Киев.

Притоки Днепра на северо-востоке так близко подходят к притокам Волги, что, перетащив посуху ладьи с товарами, можно попасть из одной великой реки в другую.

Могучая Волга через царство волжских булгар приводит к морю Джурджанскому (Каспийскому). Смелчаки переплывают и это море и проникают в дальние юго-восточные страны: Персию и Аравию.

Киев — стольный город Руси. Из Аравии, Персии, из богатой Византии и с крымских берегов — отовсюду, со всех концов мира прибывают в Киев товары.

Гости торговые — иноземные купцы — продают изделия своих земель и закупают киевские, чтобы развести их по чужим странам.

Так рассказывают старики.

Ждан стоит на берегу, глядит и дивится, до чего Почайна запружена кораблями и ладьями, сколько на ней насадов и простых челнов!

Волокуша.

Ладья.

Точно тонкая лебединая шея, изогнулся высокий нос белой ладьи, прибывшей откуда-то издалёка. И тут же рядом с лебедем мерно покачивается на серебристой воде другой корабль: орёл распростёр свои тёмные крылья и поблёскивает цветными камешками, вставленными мастером на места глаз.

И вспоминается Ждану песня, слышанная от гусяра:

«Корму в ём строил по-гусиному,
А нос в ём строил по-орлиному,
В очи вкладывал по камешку,
По славному, по камешку, по яхонту».

Вот ещё какой-то иноземный корабль!

На корабле суетятся чудные люди в длиннополых пёстрых одеждах. Они натягивают алые и жёлтые паруса, готовятся к отплытию в далёкий город Булгар на реке Каме.

Тяжело оттолкнувшись от берега, медленно отплывает нагружённый корабль, уступая место насаду — большой ладье с высокими бортами. Вот ещё насад, за ним третий, четвёртый.

— Гляди, малый, это гречники приехали!

Ждан оглянулся на говорившего. Сзади него стоял седобородый старик, добродушный и ласковый.

— Вижу, что ты приезжий, и всё тебе в диковину, вот я и хочу тебе объяснить.

Дед рассказывает, что гречники — это киевские купцы, которые торгуют с Византией. Они увезли из Киева меха, и воск, и мёд, и изделия киевских мастеров, и глиняные половные плитки, и множество других вещей, которые продали византийцам, а привезли драгоценные ткани, фрукты и вино.

— Большим опасностям подвергаются русские купцы во время своего далёкого и трудного пути, — продолжает свой рассказ словоохотливый дед. — Степные хищники притаились в прибрежных зарослях или в густой высокой траве... Они выслеживают русских купцов. Они зорко следят, не покажется ли киевская ладья на гладкой поверхности реки. Заметили... и пустили стрелы... Тучи стрел несутся навстречу кораблю... Если погибнут гребцы, — погибнет и корабль. Необходимо сохранить гребцов — скрыть их от неприятельских стрел.

Для этого на ладье с высокими бортами устраивают деревянный настил — луб. Под лубом в глубине насада сажают гребцов. Теперь неприятель видит только взмахи вёсел, а сами гребцы спрятаны от неприятельских стрел.

Стоит Ждан на берегу около ласкового бывалого деда, глядит вокруг себя и слушает внимательно, что рассказывает старик.

У берега плещутся челны, они мерно покачиваются на серебряной речной поверхности.

— Откуда их столько пригнало? — спрашивает Ждан.

— На продажу, с верховьев днепровских.

Ждану хочется узнать, как строят ладьи, и дед продолжает свой рассказ. Он говорит о том, как из ствола толстого дерева вырубает топором чёлн, как его отделивают тёслом (столярный инструмент), затем распаривают, и тогда начинается разводка боков. Нос и корму при этом крепко связывают верёвками, чтобы не образовались трещины. Разводка закрепляется вкладкой внутрь «упругов», то есть гнутых сухих сучьев.

На однопалубных-челнах плавают по рекам. Но для выхода в море нужна ладья, увеличенная и оснащённая.

Для того, чтобы такую ладью увеличить и углубить, на края её прибивают доски, которые стёсывают к носу

и к корме. В каждой ладье имеются уключины для вёсел, большие брёвна (мачта) и паруса.

Ладьи с набитыми досками, высокими бортами, называются насадами.

Но не только из далёких мест и не только нарядные ладьи толпятся в водах Почайны. Есть тут и простые, дощатые, с низкими бортами, плоскодонные судёнышки, специально предназначенные для перевозки грузов. На них жители ближних мест привезли на торговище свои сельские изделия — пеньку и верёвки, деревянную посуду, плетёные корзины и лукошки из бересты.

— А вот гляди, малый, — дед подтолкнул Ждана, показав ему на судно, гружённое большими каменными плитами розового и красного шифера.

«Это те самые плиты, которые я видел на Золотых воротах и в Софийском соборе», — вспоминает Ждан.

— Откуда же их привозят?

— Недалеко от Киева стоит город Вручий¹ на реке Уборти; берега речки все из шифера. Жители тех мест выламывают целые плиты, укладывают их на струги и учаны и привозят в Киев.

Все лучшие церкви и дворцы княжеские украшены красным или розовым шифером.

Вдоль берега Уборти у города Вручия много мастерских, где из шифера делают разные предметы: пряслица — маленькие колечки, которые надевают на веретено, чтоб оно быстрее вертелось, чтоб легче разматывалась кудель, чтоб веселее спорилась работа; делают из шифера и детские игрушки, крестики и бусы.

— Все эти товары с кораблей и со стругов снесут на торговище... Вот гляди, — дед указал рукой на громад-

Половцы в степи.

¹ Теперь этот город называется: Овруч.

ную толпу, которая, как издали казалось, топталась на месте. — Это и есть большое торговще.

— Вот мне туда-то и нужно!

Ждан поблагодарил деда, простился с ним и быстро зашагал вперёд.

НА ТОРГОВИЩЕ

Как только Ждан очутился на торговище, он подумал, что не удастся, пожалуй, в такой толпе отыскать Глеба.

Никогда в жизни не приходилось ему бывать на большом торжище, попадать в сутолоку и давку.

В толпе шныряли пряничники и пирожники, протискивались квасники и сбитенщики, кричали звонкими голосами, предлагая свой товар.

К людскому говору присоединялся скрип колёс и ржание коней: то из ближних селений привезли на продажу сено, дрова, мясо, дичину.

Где-то неподалёку блеяли овцы, хрюкали свиньи, мычали коровы.

От человеческого гомона и рёва животных в ушах у Ждана стоял звон, а от беспрестанного мелькания разнообразных человеческих лиц в глазах начинало рябить.

Сзади, с боков напирает толпа, и Ждану кажется, что он идёт вперёд не по своей доброй воле, а движется подхваченный человеческим потоком. Вдруг все остановились, застыли на месте. По площади пронеслось:

— Слушайте! Слушайте заклич о беглом холопе!

Вместе с толпой остановился и Ждан. Он услышал, что от какого-то господина сбежал холоп, именем Дёмка.

Бирюч.

— Кто тому холопу даст хлеба, или спрячет его, или укажет путь, как скрыться, платит пять гривен!

Жданко подумал о Тудоре:

«Как же Тудор уйдёт от Гордяты?

Неужто век вековать подневольным человеком? Как бы ни хотелось пожить на свободе, — не от кого холопу помощи ждать! Пять гривен заплатит тот, кто поможет скрыться! Где взять столько деньжищ?» И вдруг вспомнил он Гнедку пропавшего, а на его месте Воронок теперь! Страшная догадка мелькнула в голове у Ждана. Отец его, Петрило, писал какой-то «ряд»; значит, подрядился работать на

боярина, на этого же Гордяту, который закабалил Тудора навеки, и страх за отца овладел сердцем Ждана: не попал бы и его батя в вечные, обельные, холопы к тому же Гордяте.

Хитрый, видно, человек этот Гордята. Опутал Тудора, воспользовался бедой Петрилы! Виноват ли отец его, что половцы увели Гнедка, что осталась без коня семья Жданка, что не может земледелец без коня работать! А теперь грозит бате холопство! Вот какие законы лютые! «Пять гривен платит тот, кто поможет скрыться холопу!» Надо во что бы то ни стало выкупиться бате от Гордяты! Эта мысль засела крепко в голове Жданка. Выучиться поскорее мастерству какому-нибудь! Денег заработать надо целую кучу!! А он, Ждан, до сих пор не пристроился ни к какому делу, не нашёл себе мастера.

Но тут внимание и мысль Жданка отвлеклись.

Толпа снова тронулась с места; завернула куда-то влево, попала в птичий ряд. Здесь кудахтали куры, крикали утки, гоготали гуси. И чуть подалее продавали лесную птицу-певунью. На возах стояли клетки, а в клетках щеглы и дрозды, перепела и жаворонки заливались, посвистывали, перекликались. Когда Жданко поровнялся с большой колой, на которой теснилось шесть клеток, из-под воза, между колёс, вынырнул юркий мальчишка, сжимая в руках серую птичку.

— Соловушку продаю, голосистого соловушку! Кто купит? Покупайте, люди честные! Не зевайте! Налетайте!

Человек, который шёл по правую руку от Ждана, прельстился соловушкой, вытащил руку, полез за кошелём. Жданко воспользовался этим движением соседа, нагнулся, проскочил под его рукой вперёд и попал в рыбный ряд. Сколько рыбы! И жареная, и вяленая, и курёная, и копчёная, а в больших чанах плещется живая рыба. На ларях — глиняные и деревянные миски. Они полным-полны икры.

Немало дивился Жданко такому богатству киевского торжища. «Кто это всё съедает?! — думал он. — Мне и не подступиться к товару: птичьему, мясному. Всё идет на потребу гостям богатым. А вот этот товар, пожалуй, по нашей мошне!» — подумал он, когда попал в овощные ряды, орешные, луковые, чесночные.

Однако Ждан всё идёт покорно за толпой и всё ждёт, когда она его вынесет из съестных рядов и приведёт к кожевенным.

Кто-то опять сбоку от Ждана пронзительно закричал: — Слушайте, слушайте!

По площади пронёсся звук била,¹ и народ повалил к возвышению, на котором стоял бирюч.² Он объявлял от имени князя, что под своды Софийских ворот поехали возы с деньгами; будут платить по ногате³ в день каждому, кто работает по укреплению городского вала.

— Ну, что ж! Дело хорошее! — заговорил со Жданом бодрый, еще нестарый человек, что шёл рядом с ним. — Пойду завтра и я, поработаю, денежки добуду, а то израсходовался в пути. Вчера из Курска прибыл.

— А далеко тот Курск? — спросил Ждан.

— Нет, малый, недалече! Я и пешком шёл и на возу ехал — дней пятнадцать был в пути. А вот из Суздаля — это подалеже. Через мордовскую землю — трудный путь!

— А ты сам суздальский или курский?

— Нет, я здешний, киевской земли. По делам ездил в Курск и в Суздаль, а теперь возвращаюсь домой, в Канев. Там у меня семья, мастерская.

— А ты какой мастер? — полюбопытствовал Ждан.

¹ Било — медная или железная доска, по которой ударяли металлическим пестиком; заменяла колокол.

² Бирюч — должностное лицо.

³ Ногата — древнерусская денежная единица, $1/20$ гривны.

— По бронзе — зёркала делаем. До того начищаем, полируем, что, как поглядишь в него, увидишь себя, точно в чистом ручье.

— И кому это требуется на себя глядеть? Что за корысть? — удивился Ждан.

— А вот находятся покупатели, да еще какие! — ухмыльнулся мастер по бронзе. — Продаём на торговище, а не то vezём заказчикам на место... в степь.

Разговаривая таким образом, они уже шли по вошаному и медовому ряду. На ларях лежали огромные круги белого, жёлтого и коричневого воску, ведра, чаши, кувшины и корчажцы, наполненные липовым, цветочным и гречневым мёдом, издававшим такой сильный сладостный аромат, что он разносился по всей площади, отбивая все остальные запахи.

— Хорош товар, — сказал Ждану мастер из Канева. — А вот сейчас пойдут скорняжные и меховые ряды... там ещё лучше. Таких мехов, как в Киеве, нигде не увидишь!

Но не успели дойти до меховых рядов, как новая остановка... Бирюч объявлял, что пропала девочка, двух годов еще нет... в лапотках, в холщёвой рубашке, на подоле вышито имя «Акилина», на голове синий платочек, а на шее голубые бусы. Кто встретит, — пусть приведёт в крайний дом у Лядских ворот.

— Да не Анкудинова ли то Кия пропала?! Ой, беда какая! — вскрикнул женский голос рядом со Жданкой.

Ждан оглянулся и увидел подле себя молодую женщину с темножёлтыми стеклянными браслетами на запястьях, точь в точь такими же, какие он видел в Тудоровой мастерской. Женщина стала объяснять окружающим, что живёт она неподалёку от Лядских ворот, пришла на торговище, чтоб продать холсты собственного изделия.

Вскинув полоску домотканного полотна, она сказала:

— Теперь не до продажи, побегу-ка я к соседу Анкудину узнать, что за беда приключилась с его Килькой.

Быстро расталкивая встречных и поплёскивая стеклянными браслетами, женщина скрылась в толпе.

Люди потолковали, пожалели о девочке и пошли дальше, кому куда нужно было. Теперь уж толпа по редела, стало просторнее.

А вот и меха...

Жданко остановился. . .
На ларях лежат и висят огромные связки — горностаев, белых зверюшек с чёрными хвостиками, волчьи шкуры, соболя с чёрными хребтами и куницы и белки, совсем серебряные, по сорок штук в связке.

— Ну и добра же в стольном городе! Богатства! И кто только богатство это на себе носит? Всё, небось, князья с княжичами, да дружинники княжеские, да Гордяты всякие. . . А мы с отцом овчины на себя напяливаем. . .

Немецкие купцы.

Спутник усмехнулся и поглядел сбоку на Жданка.

— Простая ты чадь, малый, — подмастерье либо смердов сын? Не равняться тебе с княжичами! А вон, вишь, и иноземцы покупают наш товар.

Действительно, Ждан поглядел в толпу и заметил, что у ларей толкались покупатели, как-то чудно, не по-русски одетые.

— И возы стоят тут же, — продолжал Жданкин спутник.

— Договорились, видно, иноземцы с возчиками. Довезут меха до польского рубежа, а там поедут восвояси — в немецкую землю. По платью вижу, — немецкие гости.

Очень хотелось Ждану узнать у каневского мастера, что это за люди такие — «немецкие гости», но мастеру было теперь не до Ждана. Он увидел своих земляков, которые махали руками и криком приветствовали его. Мастер стал выбираться из толпы.

Но каково же было удивление Ждана, когда среди обступивших его недавнего знакомого он увидел людей, очень похожих на того половчина, которого он встретил на улице кожевников с новым седлом.

Какие могут быть дела у русского мастера с половцами? Ждану не пришлось долго раздумывать над этой загадкой, так как он неожиданно заметил у ларя Глеб-

кину спину. Глебо свёртывал в трубку, видимо, только что купленные кожи.

«Вот я ему и помогу донести», — подумал Ждан, побежал к Глебу и схватил его за плечо. Тот испуганно обернулся — увидел друга.

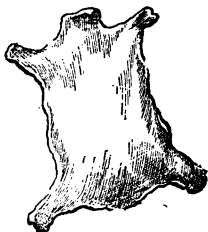
— Что ты за мной по пятам ходишь? — Глеб не на шутку рассердился, а Ждан хохотал:

— Поймал я тебя, теперь не убежишь!

— Что ты ко мне привязался? Шагу без тебя ступить не можно.

Жданко смеялся:

— Теперь тебе вовек от дружка не отвязаться! **Так** и знай!

ГЛЕБКИНА ТАЙНА

С торговища возвращались вдвоём. Глебко нёс купленные им телячьи кожи. По напряжению согнутой руки и сгорбленной спины видно было, как тяжела была ему ноша.

— Дай подсоблю! — предлагал Ждан, но Глебко упорно отказывался:

— Не надо! Я один справлюсь!

Жданко всё больше и больше дивился, глядя на своего дружка.

«Что с Глебкой? Будто подменили малого! К чему пергамент покупал? В костерезном деле он не требуется».

А Глеб попрежнему упорно повторял:

— Смотри, Жданко, не проговорись Миронегу, что видел меня у кожевника, что встретил на торговище...

Ждан терялся в догадках, не мог и придумать, почему Глеб страшится Миронегу.

— Никому не скажу, раз просишь. Будь покоем!

Глеб на это ничего не ответил. Шли вместе и оба молчали. Глеб изредка пугливо озирался, будто боялся, что его кто-нибудь уличит в чём-то нехорошем.

Когда стали подниматься с Подола на гору, Глеб не пошёл обычной дорогой, а свернул в небедомый Ждану проулок. Здесь стояли только два дома, а затем начи-

нался пустырь и неожиданно поднимался отвесный склон горы. Среди густой крапивы и других сорных трав вилась вверх узенькая тропка.

Карабкаясь и спотыкаясь, Глеб со Жданом взобрались на гору. Отсюда открылся чудесный вид на Днепр и зелёные дали Заднепровья.

Ждан залюбовался и стоял не двигаясь. Глядел — не мог наглядеться, а Глебко, умаявшись, бросился на землю и лежал, зажмурив глаза, подставляя лицо свежему ветерку. Жданко присел около товарища.

— Глебко, а Глебко! — не выдержал, наконец, Ждан. — Друг ты мне или нет? Зачем таишься от меня? Отчего несёшь свою покупку, точно покражу какую-нибудь? Поведай мне, — что с тобой?

Глебко ответил не сразу и начал как будто застуженным голосом:

— Добрый человек Миронег, очень добрый... Сестрёнку мою малую держит, как дочку. Мне заменил родного отца, выучил меня своему мастерству. Деньги люди за ученье платят, а мне платить нечем, а ведь он меня к тому же и кормит и поит...

— Ну и что же? — нетерпеливо перебил его Ждан.

— Обидеть Миронегу — это хуже смерти для меня...

Не может ничего понять Ждан из Глебкиных речей.

Наконец, вытягивая слово за словом, Ждан узнал, что Глеб с самых ранних лет хотел учиться грамоте — читать книги, списывать их, — какое это счастье! И вот нашёл некоего человека, грамотея...

— Списателя книг... Офремом звать... И малый у него есть, помощник... Мичько... Он так вырисовывает буквы, что любо-дорого глядеть. И я уже стал выводить буквы одну за другой. В воскресные дни, когда добрые люди отдыхают и веселятся, я пособляю, чем могу, Офрему. Только один раз ходил с тобой на площадь, когда Миронег послал нас, а то всегда все свободные минутки я у того Офрема.

Ждана вдруг осенила мысль.

— Ты бы и ушёл к Офрему совсем, а меня пускай бы Миронег взял...

— Нет, Жданко, ты этого понять не можешь. Миронег мне что родной отец, а его дом родной мне... И видишь ли, Жданко, не сказывал я тебе всей правды о Миронеге. Дело было так: пришли в наше селение проклятые степ-

няки. Всё пожгли, разорили дотла, а тех, кто остался в живых, полонили... И меня в том числе, прихватили и сестричку мою малую. Уж как душа изболелась за неё, и сказать не могу; маленькая, перепуганная, плачет, дрожит вся. Я её на руки взял, а нас гонят, плетью бьют. Лица у всех бледные, а тела черны, в рубцах от плетей, струпья на теле. Олюшку я закрыл телом своим, руками. Только б не убили её, а она слабенькая, одного пинка

Дом новгородца Офрема.

достаточно было бы, чтобы она скончалась. Раза два замахивался на неё половчин, да другой остановил его, сказал: «И девочка — товар».

Связали нас, верёвками скрутили. Волосы всклокочены, глаза загноились, страшные. Идём мы все в ряд, ничего не понимаем, не кормят нас, не поят, гонят всё вперёд; сколько дней прошли, уж и сказать не можно, отца с матерью убили на месте, потому что сопротивлялись, живыми не дались... Даже страшно теперь, когда вспомнишь. Только и есть у меня что сестричка Олюшка; я её на руках всё тащу и тащу. Привели всех нас в какой-то большой город на торг. Потом узнали, что был то город — Корчев (Керчь).

Выставили рядом на продажу... Мы только тихонько

Половцы ведут пленных
(рассказ Глебка).

спрашиваем друг у друга: «Ты откуда?»—«Я из Киева. А ты?»—«Из Чернигова». Тот из Переяславля, из Вышгорода... со всех концов земли русской...

Вот стоим мы на торгу. Подходит купец какой-нибудь, скупает живой товар, чтобы перепродать его в другие страны. Помню, — подошёл ко мне, а я держал сестричку свою на руках. Такой пузатый, в длинном халате, подходит, пощупал руки, ноги, заглянул в рот, целы ли зубы, потом отпихнул ногой так, что сестрёнка вы-

пала у меня из рук да тоненько так, жалостно закричит, а я отлетел в сторону и задёргал верёвкой, которой был связан с другими полоняниками; я упал, а подняться не могу. Так и не купил никто меня. Погнал нас с Олей половчин обратно в своё становище. Уж сколько дней шли, я и не помню, и Олю нёс с собой. Хозяин всё ждал, авось, кто-нибудь выкупит нас. Кроме побоев, ничего не помню. Я уж как страдал за сестрёнку свою — она ведь малютка была, плачет, тело вздрагивает, а половчин хохочет, ему в этом забава была; и маленькие половчата выбегали из палаток своих и тоже издевались над нами, кто как мог: то ударят палкой, то уколют иглой, а хозяин всё ждёт — не предложит ли кто-нибудь выкуп за нас. Стали в ту пору приезжать из Руси люди, разыскивали родичей, вносили за них выкуп и увозили обратно на Русь.

Во всё время рассказа Глебки Жданко не отрывал от него глаз. Глебка продолжал, но говорить стал медленно, тихо, растягивая слова:

— А нас с сестрёнкой некому было выкупить, и я не ждал... даже о смерти не молил, потому что думал, как же без меня моя Оля останется у половчина одна...

И вот приехал в половецкое становище почтенный человек, он сына разыскивал. Не нашёл сына, поглядел на меня и говорит: «Мой сын погиб. Возьму этого мальчика вместо моего сына».

Я бросился ему в ноги и стал молить, чтоб он взял со мной вместе и мою сестрёнку.

Усмехнулся человек и говорит: «Ну, что ж, искал одного сына, а нашёл сына и доченьку».

Этот человек был Миронег...

— Понимаешь, Жданко, что Миронег мне роднее теперь родного отца!

Ждан взволнованно спросил:

— А что же было потом?

— Мой половчин не рассчитывал и резану за меня получить, а Миронег отвалил ему 5 кун за двоих; ошалел от радости половчин, отрезал кусок конины и сказал мне: «Кушай, русс!», а потом Миронег привёз меня и Олю в свой дом, и мы живём с тех пор, не знаем ни горя, ни забот. Вот боюсь только, чтобы Миронег не узнал, что пристрастился я списывать книги, что бегаю тайком к Офрему. Может быть, это ему покажется в обиду... Вот чего боюсь, вот отчего скрываюсь! Офрем совсем близко от нашего дома живёт, а я хожу окольными путями, чтоб не встретить кого не надо.

— А Офрем Миронегу не скажет?

— Нет, я его очень просил не сказывать и много ему помогаю: и нити пряду для переплёта книжного, и чернила, и краски, и пергамен раздобываю...

— А можно мне сейчас с тобой к Офрему пойти?

Глубко кивнул головой в знак согласия. А когда поднялись, чтобы итти далее, он передал Ждану часть своей ноши.

Дом Офрема удивил Ждана. Это была не землянка, а рубленая бревенчатая изба с концами брёвен наружу. Она стояла не прямо на земле, а на больших камнях, и на крыльцо вела лестница из трёх ступенек.

Жданко внимательно разглядывал затейливую двускатную кровлю с коньком и птицей на верхушке, — таких домов он в Киеве еще не видал.

Глубко сказал:

— Офрем родом из Новгорода, а новгородцы — знатные древоделы-плотники.

Когда Глубко постучал в дверь, на крыльцо выскочил малый примерно тех же лет, что и он со Жданом.

Пальцы у малого были испачканы чернилами, и даже на щеке чернело большое пятно.

— А вот и Мичько! — сказал Глеб.

Заглавная буква.

Увидев новое лицо, Мицько насунил брови и спросил отрывисто: «Кто таков?» — и тут же сообщил, что хозяина нет дома.

Глебо сунул Мицьке медовую коврижку, которую он только что купил на торговище, и сказал:

— Иди погуляй! Я поработаю вместо тебя. Ждан мне поможет.

Мицько не стал спорить, откусил кусок пряника и весело выбежал со двора.

С уходом Мицька Глеб почувствовал себя хозяином в доме. Он взял со стола лист пергамена, на котором нарисованы были непонятные Жданку знаки, и приложил этот лист к телячьей коже, которую он только что принёс с торговища, затем прочертил на ней остриём шила четыре линии — верхнюю, нижнюю и две боковые — и попросил Ждана обрезать кожу по этим линиям.

Пока Ждан исполнял поручение Глеба, тот тщательно измерял поля, или, как он их называл, «берега», написанного листа.

Когда Ждан положил перед Глебом новый лист пергамена, Глеб прочертил на нём такие же «берега», какие были на первом листе, и стал чертить линии, над которыми будут впоследствии написаны чудесные знаки-буквы.

Ждан внимательно следил за всем, что делал Глеб, и рассматривал лист с готовыми письменами.

— Глебо! А почему на листе пропуски? Вот в начале строчки пустое место.

— А это вот почему: ни Мицько, ни я, мы не умеем писать заглавные буквы. Надо быть большим искусником для этого. Только один Офрем и может нарисовать эти буквы. Их пишут золотом или киноварью — красной краской. Вот погляди! — И Глеб показал на крылатого змея с птичьей головой. Змей распростёр крылья. — А ну, узнай, что этот знак означает.

Ждан никак не мог угадать.

— Эта буква называется: «твердо», а читается: «т».

А вот ещё. — Глебко показал на следующей странице красного дракона с золотым хвостом; дракон держал в зубах зелёную ветку. — Эта буква зовётся: «глаголь», а выговаривается: «г».

Ждан глубоко вздохнул:

— До чего это хитро! Мне и вовек не постичь!..

Глебко раскраснелся, оживился и всё продолжал показывать Ждану.

— А вот наверху, под первой строчкой, тоже место оставлено. Офрем тут нарисует птицу с человеческой головой или дерева с цветами. Это называется: «заставка», а на последней странице будет «концовка». А когда все листы напишем, книгу переплетём, — продолжал Глебко, всё более увлекаясь и поучая Ждана. — Переплёт тоже дело не простое. Перво-наперво надо заготовить нити. Знаешь, как нити прядут? А потом все исписанные листы надо положить по порядку на деревянную доску, а потом накрыть те листы другой доской и крепко обвязать их верёвкой. А к доскам вверху и внизу приклеить полоску холста и к тем полоскам надо привязывать, приплетать нитями один за другим листы пергамена. Когда же все листы станут на место, надобно развязать верёвки, деревянные доски обтянуть тканью или козлиной кожей — сафьяном. К верхней доске прикрепить узенький ремешок с застёжкой, а к нижней — такой же ремешок с пуговицей. Застегнёшь петельку на пуговицу — вот тебе и закрыта книга.

Чем оживлённее и веселее становился Глебко, тем молчаливее и грустнее делался Ждан.

— Складно ты рассказываешь про книги да как их делать надо, а не рассказываешь, что в них писано; ты читаешь их?

— Ну, ещё бы! — ответил с улыбкой Глеб. — Для того я Офрему и помогаю, чтобы книги читать.

— А про Никиту Кожемяку читал что-нибудь?

— Второй раз ты меня спрашиваешь о Никите! Уж не хочешь ли и сам кожемякой стать?

Заставка из старинной книги.

— Да нет... — Ждан замялся. — Видишь, дело какое вышло... Я тут с одним кожемякой сцепился. Он меня толкнул в грязь, измазал всего, пострадал каким-то Никитой и обозвал бездельником.

— Да ты и впрямь бездельник... Чего задираешь ребят и в драку лезешь с чужими подмастерьями?! Надобно тебя к делу скорее пристроить! Недосуг тогда будет шататься по улицам!

Глубоко сел степенно на скамью и сказал поучительно:

— Про Никиту Кожемяку я расскажу тебе. Знатный был человек Никита...

— Расскажи же, Расскажи!

— Жил он еще при князе Владимире. Тогда на Русь приходили печенеги. Кочевой они народ, всё равно, как половцы, также убивали, грабили. И вот повстречались на реке Трубеже, что впадает в Днепр, два войска: наше, во главе с князем Владимиром, и печенежское. По одну сторону реки Трубежа стояли мы, а по другую — печенежская орда. Стоят они у брода там, где сейчас находится город Переяславль, стоят оба войска, а реку перейти не смеют, не решаются вступить в бой. Вышел тогда на берег Трубежа печенежский князь и воззвал к нашему Владимиру:

— Выпусти ты своего богатыря, а я своего, и пусть они ударят друг друга. Если мой одолеет, тогда будем сражаться три года, а если твой одолеет, тогда три года воевать не будем, и мы уйдём из вашей земли.

Владимир послал бирючей, чтобы искали такого человека, который согласился бы вступить в единоборство с печенегом. Тогда приходит к князю Владимиру один старый человек и говорит: «Вот вышел я на битву с печенегами, а со мной четыре сына, а дома остался меньшой, по имени Никита; самый сильный из них Никита, до сей поры никто не смог его побороть, а раз он разгневался и схватил воловью шкуру и разорвал её руками надвое».

Когда Никита пришёл к князю Владимиру, то сказал ему, чтоб князь испытал его силу. — «Пусть приведут ко мне сильного быка и раздражат его калёным железом». Когда привели быка и, разъярённый, он бросился на Никиту, то Никита схватил рукой его за бок и вырвал у него кусок шкуры с мясом.

«Теперь я вижу, что ты и впрямь можешь одолеть печенега», — сказал князь Владимир.

И вот наступил час боя, и пошли друг на друга: Никита и печенег. Печенежский богатырь был громадного роста и страшен на вид, а наш Никита «средний телом»; но когда они сошлись грудь с грудью, то Никита так крепко схватил печенега и так стиснул его, что тот тут же на месте испустил дух, и Никита сильно ударил мертвецом о землю. Печенеги же так испугались, что бросились бежать из русской земли, а наши воины погнались за ними, избивая их.

После этого князь Владимир сделал Никиту и отца его «великими мужами», а сам вернулся в столичный город с победой и славой великой.

А на том месте, где произошёл этот славный бой Никиты Кожемяки с великаном печенегом, Владимир основал город, который назвал Переяславлем, так как здесь наш воин «перееял славу у печенега».

Жданко не отрываясь глядел на Глеба. Потом сказал: — Ну и молодец же этот Никита Кожемяка!..

Так, за разговором и не заметили оба дружка, что солнце бросало в оконце Офремовой избы свои последние лучи и на дворе стало смеркаться.

А тут как раз хлопнула входная дверь и в горницу вошёл хозяин дома — Офрем.

Он с удивлением посмотрел на незнакомого малого, а вслед за тем перевёл глаза на Глеба. Тот смутился и сказал, поднимаясь с места:

— Не гневайся на меня, Офрем, что я, не спросясь у тебя, привёл своего дружка. Он помог мне донести с торговища пергамен и очень хотел узнать, что написано в твоей книге о Никите Кожемяке. Он грамоты не знает, — вот я ему и рассказал. . .

Офрем молчал, насупив седоватые брови, но на губах его мелькала лукавая усмешка:

— Ишь, какой грамотей выискался! Я думаю, что дружок твой не хуже тебя может книги разбирать.

Кровь прилила к и без того румяным щекам Ждана.

Никита Кожемяка
побеждает поло-
вецкого богатыря.

— Нет, батюшка Офрем, уж больно мудрёное дело все эти змеи и драконы! Не справиться мне с ними! Боюсь я их!..

Офрем засмеялся над последними словами Ждана.

— Неужто и впрямь боишься? Ну и пуглив же ты, малый! Видно, далеко отстал от моего грамотея — Глеба.

Едва приметная улыбка осветила бледное лицо Глеба. Ему приятно было, что на этот раз без всякой насмешки назвал его «грамотеем» старый книжник.

Ждан стал собираться домой, но Офрем его остановил:

— Раз пришёл незванным гостем, так уж оставайся званным. Давай ещё потолкуем!

И стал рассказывать Офрем про родину свою — великий Новгород, что стоит на берегу Волхова, и тут же совсем близко от Новгорода расстилается Ильмень-озеро, точно море...

И глаза Офрема увлажнились при воспоминании о родных местах.

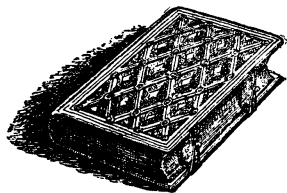
— А новгородцы! Какие люди новгородцы! До чего смелые!

С давних пор, с незапамятных, ездили они в далёкие места, в леса дремучие, где такое множество зверья, что белки падают из туч, а ты бери их голыми руками.

— И про всё это написано в книгах, что Глебко читает?

— Да! — сказал Офрем, — про многое, многое написано в книгах.

Ждан подумал: «Вот Глеб, мой дружок, какой умный, а я до сих пор места себе не нашёл, ни к одному мастеру не сумел пристроиться!»

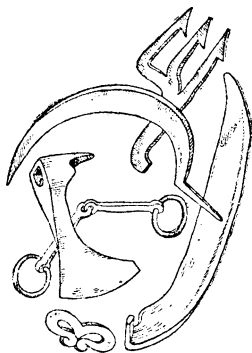
ЖДАНКО ПРОДОЛЖАЕТ ИСКАТЬ МАСТЕРА

С того дня, как Ждан побывал у Офрема, он ни ночью, ни днём не находил себе покоя. «Чего бы, кажется, лучше — учиться искусству списания книг! Вот как к этому делу пристрастился Глебко! Тайком от Миронегу бегают к Офрему, все свои свободные минутки отдаёт Офрему! А я не осилю! Голова кругом идёт, как подумаю об этих зверях диковинных да о чёрточках. Разные мы с Глебом, совсем разные. Мне бы руками что-нибудь делать, да поскорее бы выучиться, и поскорее бы денежки заработать, чтоб отца выкупить из холопства, а то, не приведи господь, вдруг он в холопах, как Тудор, навеки останется!»

Мысль об отце всё больше и больше беспокоит Ждана, а Петрило уж и день назначил для отъезда в родное село. Он сказал Ждану, что, если тот не найдёт себе дела у какого-нибудь мастера, придётся и ему отправляться в обратный путь.

Сегодня Ждан особенно озабочен; он весь день бродит по улицам, думает всё об одном.

Заходит то в один проулок, то в другой, попадает в тупик, снова выходит на площадь и снова идёт туда,

Кузнечные изделия.

куда приманчиво вьётся узкая улочка, которая то поднимается вверх, то круто спускается вниз.

Солнце уже стало клониться к западу, когда Ждан остановился, поглядел вокруг себя и понял, что он зашёл далеко от дома, а куда, — не ведает.

Перед ним земляной вал и стена из брёвен, и каменные ворота. Они похожи на Великие — Золотые, только покрыты не золотом, а простым железом, но так же крепко и прочно слажены, так же чередуются в их стенах серые камни с плитами розового шифера, как и в Золотых.

У самого въезда стоят кузни, а подле той, что ближе всех к воротам, — крепкая повозка и лошадь большая, гладкая. Ковач подковывает её, а возница разминает уставшие плечи и спину.

Видно, издалека прибыли, дорóгой притомились.

Здесь, у ворот, просторно. Жилые строения отодвинуты от кузниц, чтоб не достигла искра из горна, чтоб не случился пожар.

Где же это Ждан очутился? Вспомнил вдруг Тудоровы слова: «У ворот, что ведут в Галич, — кузни».

Да вот он где! На краю города, у Копырёва конца, где живут хазары, болгары и другие иноземцы, а в городе, несколько подалее от кузниц, те мастера, что с железом работают, — кузнецы-оружейники.

Ждан повернул обратно в узкую кривую улочку, откуда только что вышел. Тесно наставлено здесь жильё, и толчётся много людей, спорят о чём-то, громко разговаривают. И люди-то чудные, каких он не видал доселе.

Вон стоит высокий, толстый человек в полосатом халате с широкими рукавами, а вместо того, чтобы надеть шапку, повязал голову пёстрой тканью. Он оживлённо толкует о чём-то с маленьким юрким человечком, тоже не по-русски одетым.

Жданко прислушивается, не может понять их речей; говорят они быстро, точно не по-человечьи, а по-птичьи, и оба размахивают руками, вдруг повышают голоса, будто взвизгивают, наступают друг на друга, выпучив

глаза. «Подерутся!» — думает Ждан. Но нет, вот они уже хлопают друг друга по рукам и мирно расходятся в разные стороны.

А вот два человека в узких штанах и в коротких широких плащах. Они держат в руках висячие замки в виде длинных трубок; обыкновенные замки, которые можно купить на торговнице.

Незнакомые люди говорят о чём-то своём. Жданко прислушивается: говор их знаком ему, но они не русские.

«Это чехи», — смекнул Ждан; он видел подобных людей на главных улицах города. Слышал, что в Чехии ценят киевские замки.

Ждан идёт дальше, сквозь толпу и городскую сутолоку.

Видит — стоит посредине переулка, между двумя землянками, человек громадного роста, точно выкованный из железа. Ждан присматривается к нему: доспехи-то на чужеземце, оказывается, кожаные, только нашиты на них металлические пластинки, на голову надвинут шлем, склёпанный из четырёх частей, а наверху шлема блестящая шишка, а самое главное — меч в руках у незнакомца! Очень красивый меч — рукоять обложена серебряными пластинами, а на них начертаны цветы и листья.

Незнакомец сердится. Он ворочает белками больших круглых глаз и что-то говорит, обращаясь то к одному, то к другому из прохожих; но они не понимают слов незнакомца и проходят мимо.

У незнакомца краснеет лицо, надуваются щёки, и голос его переходит в крик.

Жданко делает шаг по направлению к великану, чтоб рассмотреть его меч, но не успел Ждан приблизиться к незнакомцу, как тот протянул руку и внезапно схватил Ждана за плечо и быстро-быстро, сердито стал что-то лопотать на непонятном своём языке, указывая то на свой меч, то на панцырь, то на шлем.

«Бронника ищет, оружейного мастера, — сообразил Ждан. — Как же быть?» Он сам в этой местности

Восточный купец.

Варяг.

в первый раз, никого тут не знает. Но, вспомнив про кузни, про Тудоровы слова о бронниках, Ждан закивал ободряюще на чуждую ему речь незнакомца, показал знаками, чгоб великан не сходил с места и дожидался его, а сам шагнул в глубину улочки.

Пройдя шагов десять, он увидел поднимающегося из дома голубоглазого человека с кудреватой светлой бородкой.

Ждан робко спросил:

— Где тут живут оружейники?

— А на что тебе мастер, малый?

Меч понадобился или панцырь?

Голубоглазый весело засмеялся.

— Не мне надобно, а вот тому иноземцу.

— Варягу? Да как же ты уразумел его речь? Я раз пять мимо него прошёл и не понял... Веди ко мне! Я и есть оружейных дел мастер; спросил бы Онцифора, — всякий бы показал.

— Да я и не знал, — хотел было оправдаться Жданко.

Онцифор добродушно смеётся, показывая ряд белых блестящих зубов.

А Жданко уже бежит к великану, который терпеливс ожидает его на том месте, где он его оставил.

ВСТРЕЧА С ОРУЖЕЙНИКОМ

После ухода варяга мастер оставил Жданко отужинать с ним.

Оружейнику понравился, шустрый малый, который привёл к нему хорошего заказчика и к тому же показал свою сметку и сообразительность. В голубых глазах Онцифора то и дело вспыхивали лукавые, но добрые искорки.

— Кто ты, малый, да откуда?

И Жданко всё рассказал мастеру: о том, что он приехал из-под Василёва и что отец уезжает обратно, а ему, Ждану, тоже придётся возвращаться в село, если он не присмотрит себе мастерства по душе. Много дней бродит он по городу, у многих мастеров побывал, а решиться ни на что не может. И златокузнец, и резчик по кости делают предивные вещи — всему миру на восхищенье. И в Царьграде, и в польской, и в чешской земле — во всех странах мира знают о киевских мастерах. Есть чему поучиться и у искусных киевских строителей! Из камня и кирпича воздвигают они храмы да дворцы, мрамором да узорчатыми плитками украшают их. А древоделы и тесляры (плотники и столяры), что рубят из брёвен клетки да терема на высоких столбах, а на кровлях ставят вырезанных из дерева петушков да уток всяких!

Кольчуга.

До того всё прекрасно, что Жданко даже слов не умеет найти, чтоб рассказать об этом, и вот до сих пор не решился, не выбрал себе мастерства.

— А ну-ка, малый, оставайся у меня! Моё дело тоже не худое...

Жданко весь вспыхнул.

Вспомнил недавнего гостя-варяга в доспехах, с дорогим мечом в руках. Онцифор говорит, что меч варяга — киевской работы, а доспехи у него кожаные, с нашитыми на них железными пластинами; куда этим доспехам до киевской кольчуги! Вот варяг и заказал ему кольчужную рубашку.

Вспомнил внезапно Ждан и того половчина, которого встретил на Кожемяках. Ежели придётся биться с половцами, разве не соскользнёт половецкая сабля с русской кольчуги, разве пробьёт стрела железную броню?

Да, оружие — первое дело! Разве можно быть воину без оружия? Разве можно быть Руси без воинов?!

Согласился Ждан остаться у Онцифора.

Гордый и радостный, он не вошёл, а влетел в дом златокузнеца, где жил Петрило.

Глубоко вздохнул Петрило. Пришло время расстаться с сыном! Может быть, оно к лучшему, что малец остаётся в Киеве, к хорошему делу пристроился, а всё же боязно за сына и скучно возвращаться домой одному, без помощника; но Тудор сказал ободряюще, что знает Онцифора давно, что хороший он человек — оружейник известный в Киеве, обижать Ждана не станет.

— Ладно всё сложилось у тебя, брат? Не горюй, радоваться надо.

Хорошее это дело — быть оружейным мастером, а всё-таки щемит сердце у Петрилы. «Надо хоть повидаться с мастером, пообещать ему гостинец какой-либо, если хорошо учить будет Ждана!»

Онцифор пожелал, чтобы Ждан переселился и совсем к нему.

Обидно стало Петриле, что последние денёчки будут

врозь с сыном, но Тудор сказал: «Так-то, брат, лучше — Онцифор вольный, не то, что я, — безопаснее Жданке будет у него, чем у меня, холопа. Я подневольный человек».

Петрило в ответ только вздохнул — не хотелось признаваться даже Тудору, в какую беду он сам попал, но согласился со словами Тудора, что спокойнее будет Ждану у вольного мастера. Порешили, чтобы Ждан на следующий же день переселился к оружейнику, а Петрило пойдёт с сыном, увидит своими глазами Онцифора, который отныне станет ему вместо отца, познакомится заодно Петрило с Онцифором.

На следующий день Жданко приступил к работе у оружейника. В каморе, где спал Онцифор (она же служила ему и мастерской), стояла наковальня, суживающаяся кверху, а на столе лежало множество неизвестных Ждану предметов.

Он подошёл робко к столу, с боязливым любопытством дотронулся до клещей. Ему хотелось спросить у мастера, что делать с ними, для чего лежит точильный брусок, зачем оружейнику тесло (столярный инструмент) и куски дерева и так далее.

Топчется Ждан, берёт в руки то одно, то другое, хочет спросить обо многом, но не смеет заговорить первый, а мастер, углубившись в работу, будто забыл о Ждане, не обращает на него внимания.

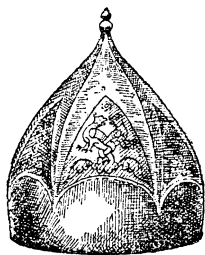
И стоит Ждан у стола без всякого дела, не знает, как и подступить к оружейнику. А тот — вчера такой разговорчивый, приветливый — сегодня молчалив, хмур, порой взглянет искоса на своего ученика, однако молчит попрежнему. Жданко переминается с ноги на ногу, наконец ему становится невтерпеж. Он решается заговорить:

— Что прикажешь мне делать, Онцифор?

Онцифор поднял на Ждана глаза и сказал строго:

— Уж больно ты тороплив, малый! Приглядывайся! Когда надо будет, — я тебе сам скажу!

И Ждан остался попрежнему неподвижно стоять у стола.

Шлем.

Мастер ковал проволоку, время от времени поглядывая на своего ученика из-под нависших тёмных бровей.

— Вот, малый, — наконец обратился он к Ждану: — Возьми кусок проволоки, да не так, клещами бери! — закричал он на Ждана. — Отсеки от этой проволоки несколько кусков, а куски сверни кольцами и сvari их.

— А как же они сцепятся друг с другом?

— А ты не все кольца сваривай вплотную, часть колец пусть остаются разомкнутыми; свободные концы колец надо расплющить, в каждом из них пробить маленькое отверстие, для которого заготовь маленькие заклёпки. После этого будешь сцеплять кольца. Делай так: каждое разомкнутое кольцо продевай в четыре сплошных. После этого концы его сводятся, а в отверстие вставляется заклёпочка; таким образом соединяются пять колец и продолжается сцепление дальнейших колец, покуда не будет готова вся кольчужная рубашка. Много труда и времени занимает наша работа, — сказал мастер, — вот ты и займись пока этим делом, а я буду готовить шелом из цельного куска железа. Этот шелом и легче, и прочнее, чем тот, который ты видел на варе, — склёпанный из четырёх пластин.

Ждану было чему поучиться у Онцифора, который знал не только своё оружейное дело, но мог поспорить и с любым златокузнецом. Он набивал иногда на шело́ме тонкие серебряные листы и резцом выводил на них разные хитрые узоры. Вот два зверя, кусающие друг друга, а вот какие-то крылатые чудовища. Иной раз Онцифор набивает на шело́мы медные листы, покрытые позолотой.

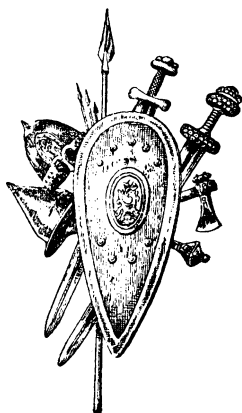
— А самое главное и самое важное в нашем деле, — сказал мастер, — это изготовление харалуга, харалужных изделий¹ — наварка харалуга на железную их основу — и их закалка. «Калёная сабля», «калёная стрела» — вот похвала оружию! Для того, чтобы закалка получилась добротная, надобно раскалённую стрелу или клинок мгновенно охладить, опустив в холодную воду. Можно и по-иному закалить, — продолжал Онцифор. — Прежде всего раскалишь докрасна и харалужный клинок поставишь лезвием вперёд. Тогда сам сядишь на коня и мчишь вперёд что есть мочи. Струя воздуха охла-

¹ Харалужный — стальной, булатный; «харалуг» — русская транскрипция джагатайского слова «кара-лук», то есть «сталь», «булат».

дит лезвие, и оно тогда станет крепким, твёрдым, таким, как тебе надобно.

Всё, что рассказывал Онцифор, всё, чему он учил Ждана, казалось малому столь чудесным, что не мог он вдоволь нарадоваться, что посчастливилось попасть ему в подмастерья к оружейнику, а Онцифор шутливо подсмеивался над ним и говорил:

— Эх, Ждан, скоро ты меня превзойдёшь, и не ты моим, а я стану твоим подмастерьем!

ОПАСНОСТЬ ИДЁТ ИЗ СТЕПИ

Неловкость и страх перед мастером, которые Ждан испытывал первый день, теперь рассеялись. Он терпеливо сносил строгие поучения, а иногда и насмешки своего мастера.

Смеялся Онцифор охотно и часто и никогда не бранил своего ученика, а когда видел, что Ждану не удаётся работа, что он еще не умеет как следует сварить железные кольца для кольчуги или «сварить» и закалить меч, говорил с усмешкой:

— Не унывай, брат! Всё у тебя еще впереди! Молод ты, а потому глуп. Дай бог вырасти тебе поскорее — будешь мастером почище меня.

Ждан не знал, как благодарить судьбу, что она послала ему такого мастера, как Онцифор. Знакомые ребята рассказывают, что им порой попадает от мастеров: и пинки, и колотушки, но приходится сносить и всё терпеть молча. Да уж они с Глебкой счастливы. Миронег Глебу всё равно, что отец родной... И тут пришло Ждану на мысль, что его-то родимый не сегодня — завтра отъедет из Киева. Надо честь по чести проводить отца! Петрило был теперь частым гостем в доме Онцифора, а Жданко чувствовал себя у своего мастера совсем как дома.

Онцифор был холост, не было у него ни жены, ни

детей. Жданко, доходчивый до всякого ручного дела, быстро освоился с хозяйством мастера и был ему первым помощником не только в его работах на заказ, но и в домашних делах.

Солнце еще не показалось за Днепром, только выслало вперёд жёлторозовые лучи, а Жданко вскочил уже с лавки и тотчас же принялся растирать зёрна ручными жерновами. Еще в пятницу с большого торга он притащил мешок жита.

— Зачем ты зёрна трёшь? Разве у нас в закромах не осталось муки? — говорит Онцифор, зевая и потягиваясь. — Ишь ты, какой неугомонный; ведь праздник сегодня — воскресенье!

— Каравай надобно испечь! Разве ты забыл, что гостей назвал?

— А что же ты будешь печь? — продолжал говорить Онцифор, не вставая с лавки.

— Два каравая испеку: первый — с маком на меду, а потом еще с осетровым хрящом.

— А может быть, сделаешь с репой?

— Можно и с репой, — согласился Ждан.

Он принёс из клетки большой куль муки и опрокинул его на деревянную доску, налил подогретой воды, кваску, потом посолил и, засучив рукава, принялся месить тесто. Он месил с таким усердием, что на подбородке и под носом выступили капли пота.

— Ну, уж ничего не поделаешь, не отставать же мастеру от своего подмастерья.

Онцифор ещё раз сладко зевнул и теперь уже решительно поднялся с лавки, подошёл к дверям, нагнул водолей, вымыл лицо холодной водой, затем вытерся сухим чистым полотенцем, что висело на гвозде рядом с умывальником. Взяв в руки топор, Онцифор поднялся по ступенькам, вышел во двор, где в холодку висели «полоти» (половина мясной туши). Отрубив заднюю ногу у одной туши, он вернулся в дом.

подавая её Ждану, сказал:

— На вот говядину! испеки на углях и приготовь ещё, чего хочешь, а я пойду к Тудору — поучиться у него искусству черни. Видал, какой меч мне заказал княжеский дружинник? Требуется, чтоб рукоять была с чёрным узором. Серебряная пластина уже у златокузнеца. Он её подготовил под чернь — вытиснил узор, а черневая

масса у меня здесь, — и он показал на закрытый горшочек.

— А как ты её сделал? — спросил Жданко, любопытный до всего, что касалось мастерства. Он прекратил месить тесто и уставился в лицо Онцифора.

Тот объяснил ему, что надо приготовить порошок из мелко истолчённого серебра, красной меди, свинца, серы, буры и соли; затем залить порошок водой и этой смесью наполнить все те места, которые по рисунку должны быть чёрными, а затем поставить своё изделие на огонь, чтоб чернь плотно слилась с серебром.

Выслушав внимательно Онцифора, Ждан снова принялся за тесто и, прощаясь с мастером, только напомнил ему, чтоб тот зашёл ещё раз к Миронегу и позвал прийти с Глебкой к обеду:

— Скажи, мол, готовится Жданко, усердствует.

Когда Онцифор ушёл со двора, Ждан продолжал свою работу по дому: поставил в печку три каравая, испёк на углях говядину, сварил кашу из пшеничных зёрен, затем почистил и вымыл хату.

Прибравшись, он вышел за дверь, поднялся по ступенькам и, присев у порога, стал ждать отца своего Петрилу, Миронегу с Глебкой и старого отцова друга Тудора.

На улице и по переулку то и дело сновал народ, то взад, то вперёд. За воротами по одну сторону направо начинался Копырёв конец. Жили там киевляне-огородники и чужеземцы, что ходили в длинных полосатых халатах и разговаривали гортанными голосами, а налево, за стеной, находился «Кудрявец» — он тоже заполнен иноземцами; не редкость встретить здесь и кочевника-степняка.

Как только Жданко оставался один и руки его не были заняты работой, им овладевала всё та же неотступная мысль о грозной опасности, которая ежедневно, ежедневно может обрушиться на Русь.

Глубоко задумавшись, сидел Ждан у порога Онцифровой хаты, когда чей-то голос окликнул его:

— Вот, малый, где я тебя повстречал!

Ждан признал в говорившем мастера по бронзе, с которым он познакомился когда-то на торговщице.

— А я думал, что ты уже давно уехал к себе домой!

— Эге, малый, я уже с тех пор и домой съездил

и в степи побывал и вот вернулся с нехорошими вестями... Худые вести привёз!

— Какие вести? — переспросил Ждан и почувствовал, как от лица отхлынула кровь и прилила к сердцу. — Я видал, — ты всё со степняками знаешься. С кем ты на торговще разговаривал? С половцами?

— Да это не половцы, только сильно на них смахивают, а враги злейшие половцам; они другого племени — торкского, а половцы с торками враждуют, теснят их, сгоняют с кочевьев. Вот торки из мести нам передались. Киевский князь отвёл им земли по реке Роси, — зовём мы их: «чёрные клобуки», потому что шапки чёрные носят. «Живите, мол, пользуйтесь! — сказал князь. — От половцев вёсти переимайте, всё узнавайте, нам сообщайте. Защищайте нашу землю, как свою собственную!»

Жданко слушал внимательно всё то, что говорил мастер из Канева.

— А я им не верю! — сказал Ждан.

— Верь не верь, а помощь они нам дают! Язык половецкий знают, лицом схожи — не таятся от них половцы, за своих принимают. Вот и привезли они нам вести, что неспокойно в степи. Я сам был в половецких становищах, товар — зеркала бронзовые — возил, ну и увидел, — правы «чёрные клобуки»: собираются снова в поход половцы!

— Не верю им, — ещё раз упрямо повторил Ждан. — Лицами схожи с половцами, язык их понимают, не может быть того, чтоб свои со своими ссорились.

— Эге, малый, не смыслишь ты многого! Князья наши все ведь русские, а промеж себя свары и споры затевают, друг от друга города отнимают. Вздумает сильнейший князь город отнять у слабейшего — захватывает силой; князя неугодного убьют или засадят в тюрьму и тех же половцев на помощь себе зовут, а половцы и рады, хотят на Руси распоряжаться, как в своих становищах. Подчас наши князья и женятся на половчанках, рождаются со степняками.

Странник.

Жданко только громко вздохнул, ничего не ответил.

Каневский мастер продолжал:

— А что со Всеславом, князем .полоцким, сделали?!

— А что с ним сделали? — переспросил Жданко.

— А то, что Изяслав киевский с братьями заманил его обманом, а теперь сидит он в порубе — тюрьме.

Жданко глядел на говорившего и не отвечал. А тот неожиданно прервал свою речь и сказал:

— Я вижу, ты еще глуп — мало смыслишь; а вот подумай о моих словах и упреди своих, что шумно стало в степи. . .

Сказав это, мастер простился со Жданом и быстро ушёл.

Жданко не успел поразмыслить о словах мастера по бронзе, как увидел подходившего к крыльцу отца своего, Петрилу.

— Батя! родимый! — закричал Ждан; под впечатлением только что слышанного рассказа ему захотелось поделиться с отцом грозной новостью.

Но тут вслед за Петрилой подошли к дому Тудор и Миронег с Глебом.

«Ну что пугать раньше времени!» — подумал Ждан и замолчал.

— Что, сыночек, что ты хотел мне сказать?

— Да нет, ничего, опечалился я, — уезжаешь ты, батя; может быть, долго не свидимся!

— Ну что же делать, Жданко!

Петрило потупил голову, и Ждану стало стыдно, что он печалит и без того грустного отца, а Онцифор, прищурив глаза, сказал:

— Полно! не с чужими остаёшься. Тут всё свои, будешь ты именитым мастером со временем. Василёв не за горами, не в чужом княжестве.

Жданко устыдился своей печали и перевёл глаза на Глеба.

Жданко заметил, что Глебко был какой-то особенно радостный, весь начищенный, а на ногах мягкие сапоги из жёлтой кожи, с пуговками на боку.

— Это тебе тот кожемяка, у которого ты кожу покупаешь, сапоги сделал? — спросил Ждан и тотчас же испуганно оглянулся: может быть, он зря вымолвил та-

кие слова, и Миронег сейчас начнёт расспрашивать о кожемяке и узнает то, что тщательно скрывает от него Глебко. Но и у Глеба и у Миронег лица были спокойны. Ждан спросил тогда своего дружка:

— Ты что такой разряженный сегодня?

— У меня радость великая...

Уже зашли в хату, рассаживаются по местам. Онцифор предлагает Тудору первое место, а тот отнекивается, отказывается.

— Я ниже всех вас — холоп я...

— Ну, что ты, Тудор, — сказал ему Онцифор, — ты самый большой искусник среди нас.

— В этом-то вся его беда и есть, — заметил Миронег: — не будь он таким искусником, не польстился бы на него Гордята, не опутал бы его лукавыми сетями!

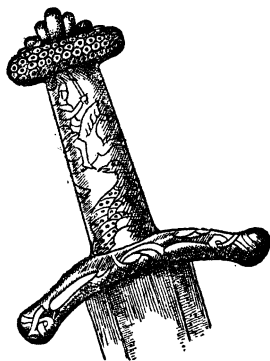
— Да что ты, брат! — возразил Онцифор. — Эта беда может с каждым случиться! Вот, скажем, к примеру, сидишь ты на княжеской земле, хлеб свой добываешь, лошадёнку тянешь, семью свою кормишь, княжеского гнёта как будто не чувствуешь, а вдруг князю втемяшится в голову подарить эту свою землю какому-нибудь дружиннику. А с землёй вместе и ты очутишься под рукой у того дружинника и лишишься ты прежней воли, — захочет новый хозяин взять тебя к себе на двор...

Мало ли что может быть со смердом!

При этих словах Петрило шумно вздохнул, будто собирался что-то сказать. Онцифор и все гости обернулись к Жданкиному отцу, но ему не захотелось вспоминать ту беду, что приключилась с ним неожиданно-негаданно, и он промолчал, а Онцифор продолжал, обращаясь к Тудору:

— То-то брат! Не с тобой одним несчастья бывают; мы тебя не за худшего, а за лучшего среди нас считаем! Уж больно хорошо работаешь!

В это время кто-то стукнул в дверь, и в хату вошёл почтенный человек.

Рукоять меча.

— Вот он — Офрем! — шепнул Глеб Жданку, а тот так и остался с разинутым от удивления ртом.

Миронег заметил это, усмехнулся и сказал громко:

— Малый-то мой, Глебушко, всё тайком от меня к Офрему бегал, а я давно заметил, но молчал, а теперь мы поладили — пускай и у нас свой грамотей будет...

Глебо сидел, опустив глаза, красный, счастливый.

Тудор оглядел стол, убранный по-праздничному, и спросил Онцифора, по какому случаю он такое пиршество устроил.

— Это отвальная Петриле. Я вот заказ хороший сдаю. Ты знаешь, — рукоять-то и делаешь ведь ты! Вот что на ней изобразим! На чёрной земле чудовище хвостатое, серебряное, пасть раскрыта, из пасти пламя чёрное так и валит, а над головой чудища богатырь меч занёс...

Жданко вспомнил сегодняшний разговор с мастером и, несмотря на то, что он самый младший за столом и ему не следовало бы вступать в разговор, воскликнул неожиданно:

— Я знаю, что тут изображено. Это чудище — степь половецкая, а русский храбрец уничтожит, погубит чудовище — отсечёт ему голову...

Гости приумолкли. Вдруг в тишине раздался звук била.

— Что, что случилось? А ну-ка, Жданко с Глебом, — бегите на улицу!

Ни одного, ни другого уже не было в комнате. Они выбежали из дома при первом звуке тревоги.

Взрослые тоже встали с мест, двинулись к выходу.

В это мгновение вбежал Жданко:

— Множество народа на улице... теснота! Не протолкнуться... бегут все вниз... на Подол... Говорят... говорят... — У Жданко не хватало дыхания, — говорят...

— Что говорят-то?! — прикрикнул Онцифор.

— Говорят... — Ждан глотнул воздуха, — наш киевский князь Изяслав с братьями Святославом и Всеволодом,¹ все трое сзывают дружину, собирают войско, ополчение... и мы с Глебом пойдём в ополчение!

¹ Изяслав, Святослав, Всеволод — три старших сына Ярослава, прозванного Мудрым. Изяслав владел Киевом и Новгородом; Святославу принадлежали Черниговская земля и Тмутаракань; Всеволоду — Переяславская земля, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро.

Тут и Глеб с затуманенным лицом вошёл в дом. Он молча подал руку Ждану.

— Жданко! Гляди! Работы у нас с тобой сколько! — громко сказал Онцифор. — Завтра чуть свет пойду на двор к заказчику — княжескому дружиннику — меч понесу. Рукоять закончишь? — обернулся он к Тудору.

Тот медленно наклонил голову:

— Ночь буду сидеть! Закончу к рассвету. Приходи! Гости стали прощаться.

— Степь зашевелилась! Но и Русь не будет молчать!

БИТВА НА РЕКЕ АЛЬТЕ

«Степь зашевелилась...» — эти слова повторяли всюду: на большом торговище и на Бабином торжке; на перекрёстках широких улиц и в узких переулках; в хоромах знатных мужей и в домах простого люда.

Во всех землях, близких к Киеву, знали о надвигающейся опасности и готовились отразить её.

Княжеские дружинники вытаскивали свои сабли и мечи, пробовали, достаточно ли они остры и крепки, измеряли кольчуги и шеломы. Конюхи выводили коней, показывали их знатным мужам, а те осматривали сёдла, стремяна, похлопывали коней и гладили одобрительно по шелковистым упругим бокам.

Много было работы у оружейников!

Онцифор со Жданом так же, как и другие киевские мастера, редко отдыхали, а если и ложились, — спали недолго: поднимались с рассветом. И снова, как накануне, в их землянках звенели кольчуги, лязгали железные полосы.

Киевский князь Изяслав и братья его — Святослав черниговский и Всеволод переяславский — сзывали воинов со всех концов своих земель; и повсюду, в больших и малых городах и городках, сходились на вече русские люди и клялись защищать родину всеми силами. Из сёл

и городов приходили в Киев смердцы, вооружённые лúками, топорами, короткими копьями, рогатинами и сулицами. Приходили они со своими десятскими и сотскими; стольный город стал похож на воинский лагерь.

И тут впервые за всё последнее время Жданка одолела тоска. Вот он уйдёт на бой с врагами без отцовского благословения, и матери не увидит, и младших сестёр и братишек, не простится ни с кем из своих. От этого стало грустно и непрошенные слёзы навёртывались на глаза.

Онцифор приметил, что Жданко грустит, и самому стало жаль паренька.

«Дитя он еще», — подумал Онцифор.

— Ждан! Шёл бы ты к Миронегу, повидаться с дружком твоим Глебкой; чай, и ему грустно, — сестрёнку одну оставлять в дому! Потолкуйте с Глебом, как воевать вместе будете с недругом.

И Ждан пошёл к Софийским воротам, к Миронегову дому. Не успел подойти, как на крыльцо взбежала девочка лет восьми на вид, с тонкой светлой косичкой, в которую была вплетена синяя тряпочка.

— Дома ли Глеб, Олюшка? — спросил Ждан торопливо.

— Жданушко! Вот ты и сам пришёл, а я просилась у Глеба, чтобы взял меня с собой к Онцифору в дом, чтобы мне проститься с тобой, а ты сам идёшь к нам. Вот так ладно!

И тут Олюшка, неожиданно для Ждана, обхватила обеими руками его за шею и заплакала.

— Об чём ты, Олюшка? Что ты? Мы с Глебом на святое дело идём, а ты вздумала плакать! Кто же будет Русь защищать, малых детей, стариков, если не мы!

— Да вы сами с Глебом малые дети! — всхлипывала Олюшка, всё прижимаясь к Жданкиной груди.

— Что ты, Олюшка? Когда враг вторгается в наши

Княжеский дружинник.

пределы, мы должны все, все, кто может носить оружие, защищать свою родину.

— А как же я одна буду? И отец наш Миронег тоже уходит на войну!

Тут открылась дверь и на порог поднялись Миронег с Глебом.

— Что же вы в хату не идёте? Идёмте, посидим, по-толкуем!

Жданко, одной рукой держа Ольгу за плечо, другой обнял Глеба, и все четверо во главе Миронегом спустились вниз, в хату.

Когда к вечеру Ждан отправился домой, к Онцифору, его ожидала радость. Кто-то постучал в дверь. Жданко открыл дверь. Увидев отца, он остановился от неожиданности... По щекам полились слёзы... То были слёзы радости от свидания с родимым, но в то же время он вспомнил мать и младших детей. А вдруг проклятые вороги придут в его родное село!.. Им овладел страх: его любимые остались одни, без защиты.

— Из Киева прискакал бирюч — вестник княжеский. В Василёве на сходбище объявили о походе... Не мог я оставаться дома, когда увидал, что все наши идут на войну с погаными, — говорил, как бы оправдываясь, Петрило.

— Ладно, — усмехнулся Онцифор, — найдётся и тебе, старому, работа. Будешь в обозе со мной да с кузнецами и оружейниками, поможешь чинить оружие, заменишь Ждана. А он вместе со своим неразлучным другом Глебом пойдёт с воинами большого полка.

Но об одном горевал Петрило: о том, что верный друг его юности Тудор не шёл на войну вместе с ним.

Гордята не отпускал златокузнеца: нужен, мол, ты мне дома! Такого искусника надобно беречь! — говорил он.

А что мог сделать Тудор против Гордяты? Холоп ведь он! Вещь господская! Не имеет своего голоса!

Пришёл, наконец, час отправки воинов. Уже раздалися удары в бубны и звуки боевых труб. На главную торговую площадь вблизи Днепра съезжались князья в богатом вооружении со своими дружинниками и знатные мужи со слугами, и сходилась сюда простой народ: киевские ремесленники и смерды из селений. Те, кто были на конях, спёшились, и все вместе — конники и пешие воины — подошли к пристани. Сюда подплыли ладьи и чел-

ны. На этих судах должно было уместиться всё войско со своим снаряжением. Много народу собралось прощаться с воинами. Вместе с народом стоял и Тудор. Он глядел, как погружали на плоты лошадей. Были здесь и нарядные кони в дояргой сбруе, в защитной броне; были и простые лошади смердов. Медленно отчалили плоты, у Заруба переправляли коней на левый берег Днепра.

Воин на коне.

Тогда подплыли к пристани ладьи и челны. Тудор смотрел, как сильные, ловкие молодцы вскакивали на суда, как тащили своё вооружение и бережно укладывали его.

Грустно стало Тудору, так грустно, что редкие скупые слёзы выкатились из глаз и застыли в глубоких морщинах, а он всё не уходил с берега, всё глядел, как, тяжело оттолкнувшись, медленно поплыли вниз по течению Днепра ладьи с киевскими воинами. Только тогда, когда они скрылись из виду, он в последний раз махнул рукой по направлению реки и медленно побрёл на гору во двор Гордяты.

Пять дней и пять ночей плыли ладьи по Днепру, а рядом с ними, берегом, не слишком опережая и не отступая от них, мерным шагом шли кони. Впереди всех скакали «чёрные клобуки». «Чёрные клобуки» поклялись мстить половцам и защищать русскую землю, как свою собственную.

На маленьких низкорослых конях они то мчались вперёд, то вдруг, удалившись в сторону, внезапно возвращались обратно и снова, подобно легкокрылым птицам, отлетали неведомо куда. Они высматривали, выслеживали, не появились ли где-нибудь половцы, старались набрести на их след.

Наконец в русское войско пришла весть: «чёрные клобуки» заметили половецкие разъезды у устья реки Альты.

Снова раздался звук бубен, затрубили трубы — пронёсся боевой клич. . . Воины стали высаживаться из ладей

и строиться в полки. Одни вскочили на коней, другие остались пешими.

В переднем полку ехали всадники с колчанами стрел за плечами и с луками в руках. То были стрелки — лёгкая конница. За ней шло войско, делившееся на три части: большой полк, или чело, по обе стороны которого шли полки левой и правой руки.

Чело состояло главным образом из пеших воинов. Тут были и смерды — сельские жители — и горожане — ремесленники.

Бодро шагали Жданко с Глебом, а рядом шёл Миронег. У всех троих красовались на головах железные шлемы, сработанные Жданкой с помощью Онцифора. Все пешие воины держали перед собой обыкновенные деревянные щиты, обтянутые кожей и выкрашенные в красный цвет. Жданко хотел было для себя и своих друзей выковать щиты из железа, но Онцифор сказал, что для пешего воина годится только такой щит, который закроет его целиком.

В задних рядах войска Жданко заметил и Мичьку, и старого грамотея-писателя и переплётчика книг — Офрема, и мастера по бронзе, который много странствовал по русской земле; он увидел ещё других знакомцев, а вот Онцифора и Петрила, отца своего, он никак не мог отыскать глазами. Ведь они шли позади всего войска, в обозе.

По правую и левую сторону от большого полка ехали князья со своими дружинниками и знатные мужи со слугами; все в кольчугах и богатых шеломах, украшенных чернью, эмалью, отделанных серебром и позолотой; у них были тяжёлые окованные щиты, сабли, мечи, и кистени и палицы-шестопёры и маленькие, но увесистые боевые топоры.

Впереди всего войска на богатом коне ехал киевский тысяцкий (воевода) Коснячок, которому князь Изяслав Ярославич поручил вести поход, а сам князь и братья его шли только со своими полками по обеим сторонам чела — большого полка.

В торжественном молчании выступало навстречу половцам русское войско. Далеко разносились мерная поступь коней, топот множества ног.

— Глебко, — тихо сказал Жданко своему другу, — чуешь? Ты чуешь?.. На святое дело идём!

Глеб в ответ только кивнул головой.

В эту минуту тонко прозвенела стрела, пущенная из-за реки вражеской рукой. Какое-то движение прошло по русским рядам. Из полка лёгкой конницы отделился всадник, в вытянутой руке он держал лук; помчался к берегу Альты; в ответ половецкой прозвенела русская стрела...

«Вот оно... началось», — пронеслось в Жданкиной голове, а сердце усиленно и чётко колотилось в груди.

Однако русские воины, шедшие впереди, заметили, как несколько половецких всадников, появившихся было на берегу реки, внезапно скрылись, как будто провалились сквозь землю, и снова наступила тишина, напряжённая тишина ожидания... Русское войско неторопливо двигалось навстречу врагу.

Солнце уже приближалось к закату, а половцы всё молчали. Невозможно было угадать, куда и надолго ли они скрылись.

«Пусть бы скорее началось», — думал Жданко.

Внезапно войско остановилось. Жданко и другие воины увидели, как несколько человек из половецкого стана совсем близко прискакали к реке. Один из всадников, согнув ладонь трубкой, что-то прокричал, обернувшись в сторону русских. Слов половина нельзя было разобрать, но понятно было только то, что он оскорблял, поносил Русь; остальные половцы, находившиеся на том берегу, корчили страшные рожи, разевали широкие пасти, что-то кричали на непонятном своём языке, хохотали, извивались, хватались за животы, как будто были не в силах сдержать взрывов их потрясающего хохота.

Тогда из среднего ряда большого полка вышел пожилой воин, пеший, почти безоружный, только с луком в руках и колчаном стрел за плечами. Он приблизился к воде. Жданко узнал в нём того самого мастера по бронзе, который на торговище беседовал с половцами. Человек подошёл к краю берега, который в этом месте был крут и

Перед началом битвы.

обрывист; он также согнул ладонь трубкой, как то делали половцы, и закричал что-то на их языке.

Половцы сразу прекратили свой хохот. Глаза их, и без того узкие, стали совсем как щёлки; раздулись их ноздри и, внезапно замолчав, они стали натягивать тетиву своих луков.

Не отрывая глаз Жданко следил за половецким берегом. Откуда ни возьмись, высыпали степняки в таком количестве, какого даже не мог себе представить Жданко. «Какое множество проклятых, какая сила врагов!» И посыпались с того берега стрелы — казалось, что полил с неба смертоносный, страшный, кровавый дождь.

«Ж-ж-з-з...» — свистало в ушах. ✓

От страшного свиста, от неслыханных доселе, казалось, нечеловеческих звуков, что неслись с половецкой стороны, от множества летящих стрел, вонзающихся в человечьи и лошадиные тела, от того, что безумели кони, сбрасывая всадников, от всего этого мутило в сердце, темнело в глазах.

Падали, обливаясь кровью, раненные кони, валились с сёдел русские воины. Задние ряды напирали на передние. Всё смешалось, спуталось.

Но что это? Что случилось?! Видит Ждан: пал бездыханным конь под князем Изяславом. Спешился князь, стоит растерянный среди поля.

«Что теперь будет?» — спрашивал сам себя Жданко. Но увидел, что какой-то дружинник подъехал к князю, соскочил с коня, подвёл его к Изяславу; князь в одно мгновение вскочил в стремя и... погнал коня... Куда погнал? Зачем? Того не ведал Ждан, но понял, что ускорил Изяслав прочь с поля битвы... «Немыслимо, невозможно!...»

— А где Коснячок? Где наш тысяцкий?! — под самым ухом Ждана громово закричал чей-то очень знакомый голос.

Ждан, прикрытый своим высоким щитом, приподнялся и увидел Онцифора.

Тот, кипя от негодования, бежал по полю почти безоружный.

Таким никогда не видел Ждан своего мастера. Грудь Онцифора тяжело вздымалась под кольчужной сеткой. Его синие глаза казались сейчас чёрными.

— Куда делись все начальники? Отыскать Коснячка!! — гремел голос Онцифора. — Стыд! Братья! Стыд! Не бросайте поля битвы — цельтесь в проклятых врагов! Бейте до последнего! Бейте их, бейте!

Онцифор, пеший, носился по полю битвы, он задыхался, хрипел.

Жданко видит, что летит половецкая стрела прямо в его мастера.

— Онцифор! — кричит Ждан, вскакивая, и пытается своим высоким щитом прикрыть оружейника.

— Не суйся, малый, куда не надо! — отвечает ему Онцифор и отталкивает щит. Он бросается куда-то вперёд, но вот летит другая стрела, она отскакивает от железного шелома оружейника.

Все ряды смешались на поле битвы — передние, задние, боковые; воины продолжали натягивать тетивы своих луков, продолжали целиться в недругов.

Солнце уже спряталось. Быстро темнело. В темноте ещё страшнее от непрерывного свиста стрел, от стонов и воплей раненых.

— Жданко! Пособи! — это Глебко позвал своего друга: — Мой родимый упал!

Ждан оглянулся и увидел Миронегу, распластавшегося на земле в луже крови, — в его плече торчала стрела.

Глебко и Жданко откинули свои щиты, подняли Миронегу и вдвоём понесли подалее, туда, где чернели какие-то кусты. Здесь было тише, глуше доносились и вопли людей, и ржание коней, и свист стрел.

— Вишь, проклятый половчин! Целился в сердце — попал в плечо! Ничего, отец, потерпи, вытащим железо!

Глебко держал костереза, а Жданко, сжав губы, схватился правой рукой за древко стрелы. Миронег застонал, но Жданко сделал ещё одно усилие — и стрела вся целиком очутилась у него в руке.

— Воды! — попросил Миронег запекшимися губами.

— Где взять воду?

— Здесь вода, здесь! Мы на берегу Альты!

Глебко снял свой шолом, зачерпнул воду в реке, поднёс шолом к запекшимся губам Миронегу. Миронег приподнялся на локте, прислушался.

Уже совсем стемнело, на небо выплыл месяц. Умолкли и свист стрел, и стоны людей.

— Ушли, видно, проклятые с берега Альты! — сказал Глебко, но Жданко схватил его за руку:

— Слышишь, слышишь?

Глебко затаил дыхание, прислушался.

Жданке почудилось, будто несётся издалека глухой смутный гул, будто здесь, где-то совсем близко, плещется вода.

— Что это? Что?

— Видно, брод здесь! Половцы перебираются на нашу сторону! — сказал Миронег. — Вот уже я вижу конские морды.

Миронег приподнялся с земли.

— Проклятые! Проклятые, — повторял в исступлении Миронег. — Брода не устерегли!

И неизвестно было, к кому неслись Миронеговы проклятья — к заклятым ли врагам — половцам или к своим начальным людям, которые не поставили сторожку у брода, не защитили своих воинов, а сами убежали.

Густые кусты орешника скрывали от половецких глаз трёх русских воинов. Миронег, Ждан и Глеб видели, как половцы перебирались на русскую сторону. Вот уже выскочили кони из реки, стряхнули воду и, мокрые, блестящие от света месяца, спокойно стояли, пока всадники прилаживали своё оружие.

Миронег показал пальцем на губы. Глебко и Ждан замерли на месте и глядели, как половцы, тоже в полной тишине, готовились к новому, неожиданному наступлению на киевские полки с другой стороны, с тыла.

— Ползти к нашим, упредить! — приказал шопотом Миронег.

И все трое поползли к затихшим русским полкам.

Когда месяц побледнел и готовился исчезнуть в серовой мгле утра, берег Альты снова огласился боевыми криками, свистом стрел, стонами раненых, звоном сабель, стуком мечей.

Половецкой силы было во много раз больше, чем русских воинов, да к тому же, брошенные своими начальниками, застигнутые врасплох непредвиденным нападением степняков с тыла, русские бились из последних сил.

Чувствуя нестерпимую боль в раненом плече, Миронег напрягал всю свою силу воли, чтоб не стонать; он молча отполз в сторону, в кусты, и наблюдал, как Глеб и Ждан яростно отбивались от окружавших их половцев. Один из

них подскакал на своём коне совсем близко к Глебу, вытаскивал стрелу из колчана.

Миронег, позабыв о своей мучительной боли, следит, зорко следит за всеми движениями половчина. Вот он, проклятый, натянул тетиву, укрепил стрелу, нацелился... целился прямо в глаз его названному сыну.

— Глебушко! родимый мой! — шепчут уста Миронег, — да помилуют тебя боги!

И вот Миронег приподнялся, опираясь на локоть здоровой руки... глядит.

Ждан, верный Глебкин дружок, Жданушко собрался с силой, оттолкнул от себя какого-то спешившегося толстяка, бросился к коню, на котором сидел половчин, что целился в Глебку, схватил коня за хвост. Конь взъярился, стал на дыбы, вырвался из Жданкиных рук, а половчин свалился наземь, выронил лук со стрелой.

Глебко, ускользнувший от половецкой стрелы, кинулся на своего недруга; тот поднялся с земли, и пошли друг на друга; Глебко и половчин столкнулись грудь с грудью и пошли ломать...

И Ждану в этот момент пришлось тяжко. Трое половец окружили его.

«Где же Глебко?» — думал Ждан, отыскивая глазами друга, но ничего не мог разобрать. Почудилось ли ему или вправду ветер донёс Глебкин голос, кричавший: «Побереги отца, Миронег не оставь».

Много воинов полегло на берегах маленькой речки Альты — русской кровью окрасились её воды.

Не было теперь на поле битвы ни князей, ни военачальников.

Ждан увидел Онцифора. Окованный бронёй, он стоял среди сражающихся, падающих, умирающих — прямой и бесстрашный. Он ободрял одних, приказывал другим, но, когда совсем поредели ряды воинов, он приказал оставшимся в живых воинам держать путь на Киев, пробираться узкими тропами, нехожеными путями, не попадаться половцам на глаза.

Ждан с тоской оглядывался по сторонам. Глебко так и пропал. «А где его искать?» Этого он не знал, но ему надо было прежде всего найти Миронег, во что бы то ни стало найти Миронег и дотащить Глебкиного приёмного отца до Киева.

Онцифор сзывал русских людей.

— Надо добратъся поскорее до Киева, Там поразмыслим. Собираемся с силами. Идите, братья, скорее, — торопил он **воинов**.

— А ты, — спросил его Ждан, — не идёшь с нами?

— Обо мне не печалуйся! Я и один найду дорогу до Киева!

БОЛЬШОЕ ВЕЧЕ

Остатки разбитого половцами войска пробирались в Киев.

Шли тайными тропами, путаными дорогами, старались обойти врагов, которые, притаившись, поджидали русских то в густой траве, то в перелесках, то у изгибов реки.

Только завидит половчин воина, возвращающегося с Альты, как выскочит с гиком и посвистом из своей засады, набросит ему на шею аркан и потащит за собой полоняника. В помощь дикому хищнику мгновенно появляется орда его родичей, и тут уж русским людям, бредущим небольшими группами, а иногда и в одиночку, никак невозможно отбить товарища.

Жданко и ещё один молодой воин поддерживали Миронегу, помогая ему идти. Как и остальные воины, уцелевшие на Альте, они возвращались в Киев.

Миронег ослабел от раны, он двигался с трудом, говорил хриплым голосом. Ему казалось, что стрела всё ещё торчит у него в плече. А пуще боли мучила Миронегу мысль: «Что с Глебкой?» Последнее воспоминание: как его приёмный сын сцепился с половчином. Жив ли он, одолел ли половца или мёртвый лежит на берегу Альты?

Жданко упрямо твердил: «Глебка жив, жив Глебушко! Он догонит нас, а если нет, я провожу тебя и вернусь».

— Что же ты будешь здесь делать один?

Ждан не отвечал, а, напрягаясь из последних сил, тащил ослабевшего Миронегу.

— А где мой родной батя? Что с ним?

— Не видел я его; он должен быть с Онцифором...

— Не даст Онцифор погибнуть твоему отцу, — утешал Миронег Ждана.

Миронег со Жданом медленно подвигались вперёд, стараясь держаться поближе к берегу.

Вдруг Миронег заметил что-то у реки, поглядел, прищурившись, и сказал:

— Куда же подевались наши ладьи?! Неужто проклятые уничтожили все до единой? А вон погляди, Жданко, у тебя глаза зорче моих. Ты ничего не видишь там, на песке, у ветлы?

Ждан подошёл поближе к воде. Действительно, на берегу лежал опрокинутый чёлн, днищем вверх, около него валялись вёсла. Ждан перевернул чёлн и радостно воскликнул, что и уключины целы.

— Ну, вот теперь мы сможем поскорее вернуться в Киев!

Но только все подошли к лодке и стали усаживаться в неё, как услышали какой-то подозрительный шорох и чей-то приглушённый голос. Кто там? Неужели подкрались хищники?! И в тот миг, когда спасение так близко, их захватят поганые — и всё погибло!

Ждан бережно усадил Миронегу у невысокой сосенки, а сам остановился в мучительном ожидании. Из-за ствола кривой сосенки показался кто-то. Ждан в испуге схватился за ветку склонившейся в реку ивы. Ветка зашуршала и выскользнула из Жданкиных рук, обдав его брызгами воды.

— Тьфу! Что за чудище?! — Миронег сплюнул. Из гущи деревьев вышел человек с двумя головами.

— Не пугайтесь, братья! Это мы...

В это мгновение они увидели Офрема, а на плечах у него сидел ученик его, Мичько.

— Что ты, Офремушка, своего унота¹ ровно малютку какого носишь?

— Проклятый половчин зарубил ему саблей ногу —

¹ У н о т — ученик, подмастерье.

вот он теперь и ходить не может! Да он стал, что пёрышко, лёгкий!

И действительно, Мичько был так худ, бледен и ростом даже будто поуменьшился. На вид ему можно было дать не больше десяти лет.

Кое-как все уселись в чёлн. Мичька уложили на дно и накрыли конской попоной, почему-то валявшейся на берегу. Офрем со Жданом сели на вёсла, взмахнули и поплыли. А когда выплыли в Днепр, вздохнули с облегчением. Теперь степняки не были им страшны.

Разговоры затихли. Путники, ослабели, устали.

Раненые долго плыли по Днепру.

У Офрема были с собой сухари. Он их отдал Мичьке. Тот, насупив свои белёсые брови, молча грыз их.

Трудно было плыть вверх по течению. Обессиленные гребцы часто складывали вёсла. Чёлн относил в сторону. Тогда Ждан и Офрем снова делали усилие и снова принимались грести.

Хоть тяжко и медленно, но чёлн всё же подвигался вперёд. Наконец, на одиннадцатый день к вечеру пристали они к киевскому берегу. Было уже темно. С большой торговой площади нёсся глухой шум, точно рокотали волны разбушевавшегося Днепра.

Ждана занимала теперь одна забота — как доставить Миронегу в его дом; итти пешком он был не в состоянии, да и ослабел.

— Чем тебя подкрепить? Хоть бы добыть кусок хлеба!

— Что ты, малый! У меня ведь мошна-то пуста — и резаны не найдёшь!

Шедший впереди них какой-то человек обернулся на

эти слова и, узнав в путниках воинов, поглядел на них ласково и внимательно и сказал:

— Пойдём ко мне, я тут рядом живу, на Подоле. У моей хозяйки найдётся, чем накормить и напоить вас, родимые!

Но Миронегу хотелось поскорее повидать Олюньку, названную свою доченьку, и он торопился домой.

Офрем так же, как и Миронег, хотел скорее добраться до дому. Но как быть с Мичькой? Итти он своими ногами не может; нести его опять на руках? Это старому Офрему не под силу. Жданко сказал:

— Пойду поищу колу: у торговища всегда стоят повозки. . .

Ждан привёл двух возниц с колами; на одну колу едвоём с Офремом они уложили больного Мичьку, и лошадь с повозкой поплелась в гору к Офремову дому.

На вторую повозку Ждан сел вместе с Миронегом, и они отправились к Софийским воротам. Тоской и болью сжималось сердце Ждана при мысли, что он скажет Олюшке, когда она его спросит: «А где же брат мой, Глебушко?»

Миронег молчал всю дорогу; от этого ещё больше тоска охватывала Ждана. Он всей душой рвался на торговую площадь, откуда неслись возбуждённые голоса и где он надеялся встретить Онцифора и узнать, что с его отцом, Петрилой.

Но он обязан был доставить Миронегу в его дом, передать его на попечение Олюшке и тем исполнить просьбу Глеба.

Когда Олюшка выскочила из дома, чтоб встретить родных, и узнала, что брат её Глебушко не вернулся с поля битвы, она бросилась к отцу и тут же, закрыв лицо руками, заплакала тоненьким детским голоском. От этого плача беспомощная мучительная боль охватила сердце Жданка: и жалость к осиротевшей Олюшке и усилившийся страх за Глеба.

Что с ним случилось? Неужели погиб его дружок! Нет, быть того не должно, быть того не может! — утешал сам себя Ждан. Он рвался на торговую площадь, где шло вече. Туда должны были прибыть бежавшие с Альты воины. Там, верил он, находится Онцифор.

Когда Ждан прибежал на торговище, он не узнал знакомого места. Неужели это та самая площадь, на которой

по пятницам стоят лари и прилавки, где между рядами ларей толпятся люди, снуют разносчики с лотками и жбанами на плечах, где бойкие мальчишки шныряют в толпе и навязывают покупателям разную мелочь?

Нет, ничто сейчас на площади не напоминает мирного торговища. Теперь всё здесь необычно. Горят смоляные факелы. Ветер раздувает их темножёлтое пламя. Смола потрескивает, роняя на землю жирные огненные капли. Люди вокруг шумят, волнуются. В общем гуле Жданко не может разобрать, чего хочет толпа. Дрожащее пламя факелов освещает внезапно возникающие перед глазами Ждана то обросшее волосами лицо какого-то старика, то мускулистую руку, потрясающую рогатиной, то горящие воодушевлением юные глаза.

Жданко знал, чувствовал, что Онцифор должен быть здесь, в этой толпе, он искал его, но не мог найти среди множества чужих, незнакомых лиц. Вдруг чьи-то руки обхватывают его. Ждан оборачивается, видит — родимый батюшка, Петрило, перед ним.

У Ждана дух перехватило, он даже слов не умеет найти, чтобы выразить свою радость. Батя здоров, сильнёнхонек. Вот счастье-то!

Тут Ждан заметил, что толпа, среди которой он только что стоял, отхлынула от него, устремилась куда-то в сторону. Люди тащили факелы; они с факелами в руках окружили возвышение, откуда обычно в торговые дни раздавались слова бирюча, читавшего указы князя.

Теперь здесь стоял Онцифор.

Сердце Ждана радостно забилося, когда он увидел своего учителя. Это был не тот весёлый, насмешливый и добродушный мастер, которого он так хорошо знал; теперь это был совсем другой человек. Таким, каким Ждан узнал его в битве на Альте, а сейчас на вече, он казался Ждану ещё роднее. Глаза его метали молнии, а голос, подобно грому, разносился по всей торговой площади.

— Братья! — гремел Онцифор. — Идите на гору, зовите тысяцкого, тащите на вече Коснячка, бегите за ним. Пусть держит ответ перед вечем, пусть расскажет всему народу, как он сражался за нашу русскую землю. Пусть расскажет всем нам, которые бросили дома свои и пашни, жён и детей, пусть покается, злодей и убийца, как он защищал русскую землю и русских людей.

Онцифор.

— А кого он убил, что ты называешь его убийцей? — прерывая речь Онцифора, закричал чей-то дерзкий голос.

— «А кого убил?» — вопрошаешь ты. Он убил доблестных русских всинов! Не для того поставил его князь начальствовать над войском, чтоб он скрылся с поля битвы при первом звуке стрелы из половецкого стана. Он не уследил за бродом, не поставил сторожей, он допустил, чтобы враги зашли в наш тыл и перебили чуть не половину всего русского войска. Братья! Зовите его на суд народа, тащите силой; если не идет добром, гоните палками!

Кто-то из толпы сказал, что давно уже отправились посланцы за Коснячком.

— Что же медлит наш тысяцкий! Убегать с поля битвы — на это он скор, а как ответ держать — так медлит!

— Не худо бы и князя нашего, Изяслава, киевского, позвать на вече!

Это выкрикнул стоявший у помоста знакомец Ждан-ха — мастер по бронзе. Он говорил далее: — Не худо бы спросить нашего великого князя, знал ли он, кому доверил начальствование над войском, знал ли он, какой трус его Коснячок. Не худо бы спросить у Изяслава, куда он сам так быстро ускакал, оставив войско без начальника. В Киев примчался отдыхать на пуховиках от трудов воинских!

— А ты откуда знаешь, что не ранен сейчас, может быть, на смертном одре лежит наш князь? А ты хулу на невинного возводишь!

Никто не обратил внимания на эти слова, а мастер по бронзе, старый Жданкин знакомец, стоял уже на возвышении вместо Онцифора:

— Не худо бы спросить Изяслава, за что он запрятал князя Всеслава полоцкого, обманом захватил его и, равно лиходея какого, с двумя малыми сынами, держит в пору-¹бе. А будь нашим князем на месте Изяслава Всеслав,

¹ Пору-б — тюрьма.

не бросил бы он войска своего, не случилось бы на Альте того, что допустили князь и Коснячок.

— А самый-то главный лиходеи и есть твой Все-слав! — закричал в ярости неизвестный и метнул в глаза Жданкина знакомя взгляд, полный ненависти.

Тогда тот соскочил с помоста, на котором стоял, и схватил неизвестного за ворот:

— Послушай! А кто ты сам будешь, что за князей и бояр заступаешься? Не из тех ли ты, что на горé подле княжеского терема свои хоромы построил?

— Брось его! — сказал Онцифор. — Разве по одежке не видишь, что он простой человек, глуп только!

Мастер по бронзе выпустил из рук дерзкого молодца, а тот тотчас пропал в толпе.

— Куда же он делся? Зачем выпустили, не худо бы получше разглядеть молодца! — раздавались недовольные голоса в толпе.

— Эх ты, мастер именитый, Онцифор! По одежке судишь! Долго ли переодеться! Надобно на руки его поглядеть. По рукам всегда отличишь смерда от боярина.

— А ну-ка, молодец, протяни, покажи, каковы твои руки! — закричал Онцифор, но никто не откликнулся. Молодца и в помине не было, он исчез так же внезапно, как и появился.

Долго еще шумело вече, поджидая Коснячка и Изя-слава, но никто из них не появлялся.

— Братья! — снова загредел голос Онцифора. — Бежим на гору к Коснячку, к Изяславу в гости. Вызовим из поруба нашего князя Все-слава. Освободим из неволи!

— На гору! На гору! — пронеслось в толпе, и все бывшие на вече ринулись наверх, туда, где жили князь и его бояре.

С факелами в руках, с рогатинами и топорами бежали наверх грозные, возбужденные люди.

«На гору, на гору!» — этот клич пронёсся по всему Подолу, где жили древоделы и тесляры, мостники и плотники. Люди вскакивали со своих лавок

— А ты сам кто будешь, что за бояр заступаешься!

полуодетые, они хватали топоры и дреколья, палицы и рогатины, всё, что попадалось под руку, и бежали вслед за Онцифором и мастером по бронзе. Едва переводя дух, опрокидывая по пути лавки и лари, не успевая прикрыть двери своих домов, они стремились всё вперёд, на-
гех.

Подобно эху, долго еще по Подолу раздавался при-
зывный клич: «На гору! На гору!»

НА ГОРЕ

Жданко бежал рядом с Онцифором, опасаясь, чтобы ему не отстать от своего мастера, чтоб не потерять его из виду. Иногда мелькала мысль о Глебке, сожаление о том, что нет вместе с ним его друга.

Кто-то сунул в руку Ждана светец с зажатой между двумя железными стерженьками горящей лучиной. От быстрого бега огонь то разгорался, то затухал при сильном порыве ветра.

Теперь всё внимание Ждана сосредоточивалось на том, чтобы не дать потухнуть лучине, чтоб дорога перед Онцифором была ярко освещена. Ждан не прислушивался к тому, что говорилось в бежавшей навверх толпе. До слуха долетали только отдельные слова: имена Коснячка, Изяслава, упоминался и князь Всеслав, заключённый в поруб.

Онцифор иногда останавливался, тяжело переводя дыхание и поджидая отстававших. Не все, как Онцифор, бежали по дороге, иные просто карабкались на гору. Песок со щебнем осыпался под ногами, ноги скользили, а руками люди цеплялись за камни, за кустарники, просто за землю, но всё лезли и лезли вперёд.

Чей-то терем на самой верхушке горы был ярко освещён.

— То княжеский дворец, — сказал Онцифор. — Пирует небось, со своими мужами, не чувствует, что незваные гости собрались к нему...

— А может быть, и чувствует и готовится к встрече, — сказал из темноты чей-то голос. — Думаешь, не было на вече соглашения?

— Братья! — покрывая шум и гомон толпы, закричал Онцифор. — Прежде всего спрашивать с Коснячка! К Коснячку на двор! К Коснячку!

— К Коснячку! — повторили люди, что были около Онцифора; отзывались и те, что только еще поднимались на гору.

Уже стояла громадная толпа у дубовых ворот Коснячковых хором, но не было видно огня, ни во дворе, ни в доме. Тихо было и темно. Палками и кулаками стучали в ворота. Испуганный голос спросил:

— Что надобно?

— Коснячок надобен! Пусть сейчас же выходит к нам! — кричали Онцифор и стоявшие вблизи него киевские горожане.

— Нету Коснячка! Ушёл! — ответил тот же голос из-за ворот.

— Куда ушёл? Зачем? Не ведал разве, что ответ ему надо держать?

Онцифор ударил рогатиной в ворота, а кто-то, стоявший рядом с ним, выхватил топор и со всего размаху врезался в воротный столб.

— Не круши добро боярское! Сейчас отопру!

Чьи-то ноги затопали по двору. Через короткое время

загремел засов и ворота распахнулись. В воротах стоял перепуганный и бледный, как полотно, старый человек с лысым черепом и длинной, острокопечной, совсем седой бородой:

— Да я вам честию говорю, — скрылся Коснячок со всеми своими близкими, скрылся. Я один остался в доме — стар я, слаб, ни на что не годен.

Народ ворвался в тюрьму.

Князь слушает Онцифора.

— Куда скрылся?

— Не ведаю.

Рядом с Онцифором вырос Жданкин знакомец — мастер по бронзе. Теперь он обратился к толпе:

— Идём, братья, к порубу — освободим тех, кого несправедливо заключил Изяслав.

— К порубу! К порубу! — закричала толпа.

— Вы идите, братья, куда лежит ваш путь, а мой — к княжескому терему! Кто со мной идёт?!

И толпа разделилась на двое: одна часть, во главе с Онцифором, направилась к ярко освещённому терему, другая — к порубу.

Хоть и празднично выглядел издали княжеский дворец с широко раскрытыми окнами, откуда лились яркие полосы света, однако не для праздничного пира собрались в гриднице князь Изяслав с братом своим Святославом, с дружинниками и со знатными мужами. Тревожно было в княжеских хоромы. Дошли сюда слухи о бурном вече на большом торговище. Знали уже здесь, что огромная толпа горожан стучит в ворота Коснячка, что ищут тысяцкого киевляне, что, не найдя его, побежали к порубу освобождать заключённых. Всё то было ведомо князю, но он считал, что не посмеют смерды и простая чадь — городские люди — пойти против его воли. Княжеские мужи и дружинники не были, однако, спокойны. Не один раз подходили они к князю и повторяли, что направились горожане к порубу, а в порубе сидит Всеслав...

Князь не хотел слушать слов своих дружинников, он подошёл к раскрытому окну.

— Мы еще будем биться с ними!

Что нужно, людие? — спросил он толпу.

Тогда вышел вперёд Онцифор. Глаза великого князя и простого киевского мастера встретились, и князь опустил свои глаза.

Онцифор заговорил.

— Княже! Я пришёл с Альты! Всё видел своими очами; слышал своими ушами стоны и вопли тех, кого избивали и калечили проклятые половцы. Наше войско разбито! Стыд! Позор!

В толпе, окружавшей Онцифора, раздался глухой сдобрительный рокот. Князь стоял молча, не поднимая глаз.

Онцифор продолжал:

— Не для того говорю тебе укоризненные слова, чтоб вызвать твой гнев! Нет, княже! Не хочу больше поминать о том, что было на Альте! Ты сам это знаешь. Но Альтой не окончилась половецкая гроза! Известно ли тебе, что половцы продолжают бесчинствовать, что русскому человеку невозможно дышать на своей родной земле? Не можно того терпеть, княже?

Жданко рядом с Петрилой стояли около Онцифора. Жданко чувствовал, как замирает его сердце от боли, от гнева и от гордости за своего мастера.

— Княже, — продолжал между тем Онцифор. — Мы хотим, мы еще будем биться с ними, только выдай нам оружие, дай нам коней!

Теперь глухой рокот прошёл по княжеской гриднице. Жданко разобрал, что говорили в гриднице:

— Дай им оружие — сами тогда не уцелеем. Это будет похуже половцев!

В это время в гридницу вошёл молодой дружинник в богатом одеянии. Лицо его показалось знакомым и Онцифору, и Ждану, и другим киевским людям, окружавшим Онцифора. Жданко вспомнил — это был тот самый человек, который на вече вступился за Коснячка и за Изяслава.

— Что тебе, Туки? — спросил князь и отошёл от окна. Туки — так звали брата приближённого к князю боярина Чудина. Туки сказал громко князю:

— Люди взвыли, — а тихо он прибавил: — Пошли сказать, чтоб покрепче стерегли Всеслава...

В толпе, за окном, нарастал глухой рокот, всё громче, всё явственнее.

— Коснячок убежал, а князь нам ничего не отвечает. Князь боится дать нам оружие. Не лучше ли нам, братья, добыть другого князя!

Этот ропот достиг ушей княжеских дружинников, и всё упорнее и настойчивее они советовали ему убить Всеслава.

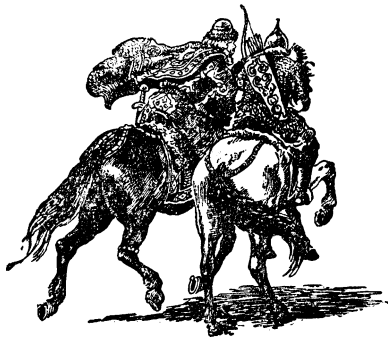
— Пошли к нему своих мужей — верных тебе дружинников, пусть подзовут его к окошку, мы проткнём его мечом, и ты избавишься от страшной опасности. Не будет в живых твоего соперника, твоего врага!

Чего боялись княжеские дружинники, то и случилось! В тот час, когда Изяслав стоял в нерешительности посреди своей gridницы, люди киевские ворвались в поруб, освобождая заключённых. Они сломали двери и в той темнице, где сидел Всеслав с двумя своими сынами.

В толпе говорили:

— Вот тот князь, который нам нужен! Он прогонит половцев с русской земли! Вот наш настоящий князь!

Ночь кончалась, звёзды погасли, занималась заря. Изяслав не дождался того часа, когда киевляне, подхватив под руки нового князя, освобождённого ими, пошли на княжеский двор. До рассвета он с братом своим Святославом усакали прочь из Киева.

ЗА РУСЬ!

Святослав ускакал в свой родной Чернигов, а Изяслав бежал к полякам.

Польский король радостно встретил киевского князя, который приходился ему родственником.

Пышные пиры, игрища, ловы звериные — всё было к услугам дорогого гостя. Но Изяслав не стремился к празднествам, он не желал увеселений. Им владела одна только дума: вернуть престол; только одну мечту лелеял в душе князь: разделаться с недругами — отомстить Всеславу и «простой чади» — народу киевскому.

Король был тому рад. Вмешаться в русские дела, а там, гляди, и ухватить город какой-нибудь — увеличить польскую землю за счёт Руси! Было то прибыльно, сулило выгоды польскому королю, а потому с охотой согласился он на просьбу Изяслава снарядить войско и послать его на великий Киев, на стольный город Руси.

Вырвать Киев из рук Всеслава — вот единственная мысль, которая владела Изяславом; а о том, что пострадает город великий, что погибнут русские люди, что многие останутся без крова, что беды, горести несёт с собой война, — о том он не думал.

Всеслав, посаженный народом на киевский престол,

знал о планах Изяслава, знал, что неминуемо под стенами Киева появятся польские войска, и он готовился к тому, чтоб дать отпор полякам и Изяславу.

Всеслав позабыл, для чего киевляне освобождали его из поруба, для чего поставили на киевское княжение, — о поло́вцах князь и не помышлял.

Каждый из князей, что боролись за киевский стол, думал только о своих личных выгодах.

А между тем половцы, пользуясь бездеятельностью князей, бесчинствовали, врываются в селения, грабили смердов, разоряли их пашни.

Попрежнему к Онцифору и Ждану приходили знакомцы потёлковать о делах киевских. Дела были невесёлые. Онцифор грустно качал головой и говорил:

— Что это делается на Руси! — и укоризненно глядел на мастера по бронзе. — Вот каков твой любимый князь Всеслав! Половцев не унимает, из-за него Изяслав с поляками идёт на Киев! Не вижу проку от него!

— Погоди, отобьёт Всеслав поляков от Киева, — тогда примется за половцев!

— Не делом занимаются наши князья! — вставлял своё слово Миронег. — Спорят всё между собой, города отнимают друг от друга, только о себе думают, а не о народе русском. Ждут почестей себе, а не видят того, что главная почесть для них — это охранять нашу землю от нечисти, отгонять врагов Руси!

Уже семь месяцев сидел Всеслав на киевском престоле, когда стало известно, что Изяслав с польским королём и его войском приближается к Киеву.

Всеслав не стал ждать неприятеля в городских стенах, он вышел ему навстречу, дошёл до Белгорода.

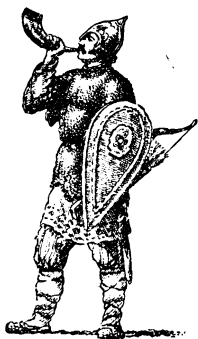
Войско Всеслава расположилось на ночлег. Тёмная ночь нависла над Белгородом. Небо покрылось тучами. Кое-где погромыхивало и огненные стрелы молний прорезывали непроглядную тьму.

Рано утром затрубили трубы, раздался боевой клич. Воины вскочили с земли, и все узнали страшную весть: князя Всеслава не было с войском.

— Бросил нас!

— Сбежал!

— В Полѣцк свой сбежал!

Сбор воинов.

Никто не видал, как скрылся князь Всеслав.

Одни говорили:

— Обернулся серым волком!

Другие передавали:

— Исчез, растаял в синей ночной мгле!

И ещё говорили воины промеж себя:

— Убоялся наш князь польской силы! Не верит нам!

— Но как же войску остаться без предводителя?!

— Обратно домой!

— В Киев!

— Созвать вече!

— Обсудить!

А на вече вооружённые киевляне, воины, вернувшиеся из Белгорода, повторяли:

— Худо мы сделали, что прогнали своего князя! Худо! Что будет с Киевом, с нами?!

И все бросались к Онцифору, помнили, как он был решителен и смел тогда, когда потребовал ответа за поражение на Альте от Коснячка, от Изяслава.

— Что делать, Онцифор? Что делать, брат?! — говорили ему воины, спрашивали у него, ждали ответа.

И Онцифор снова и снова поднимался на помост, откуда говорили речи киевские горожане.

— Плохо наше дело, братья! Но не гоже падать духом, унывать не приходится — будем действовать!

Вече шумело. Звук била раздавался на вечевой площади, далеко разносился по всему Подолу. Киевские люди рядили, судили, как избыть беду: еще не успели прогнать половцев с русской земли, а новый враг — ляхи — приближается к стенам стольного города. С ляхами — сам Изяслав — бывший великий князь киевский! В такой трудный час киевляне остались без предводителя, искусного в ратном деле.

С самого раннего утра и до поздней ночи толковали люди, не уходили с вечевой площади. Наконец приняли решение: выбрать послов и отправить их к братьям великого князя. Пусть Всеволод переяславский и Святослав черниговский образумят Изяслава, чтоб пощадил он город отца своего.

В эти дни Ждан бродил, как потерянный. Не было с ним его дружка закадычного, с кем он привык делиться всеми своими думками, надеждами, сомнениями.

Ждан свято выполнил Глебкин завет — довёз до Киева его приёмного отца, а теперь ежедневно навещает старика, узнаёт, нет ли каких-либо вестей от Глебушки.

Но нет вестей от его дружка!

Каждый раз, когда Жданкина голова просовывается в дверь Миронегова дома, Олюшка вскакивает с места, бросается навстречу Ждану, вопросительно глядит в Жданкины глаза, не узнал ли он чего о Глебе. А Миронег не поднимает глаз от своих костерезных инструментов.

Воины возвращаются в Киев.

Сегодня Ждан тихо, бочком вошёл в Миронегову хату, уселся на скамейку против костереза. Тот поднял глаза. Ждан сокрушённо глядел на постаревшее лицо Глебкиного приёмного отца: сеть мелких морщин бороздила теперь его щёки и взгляд добродушных и ласковых глаз померк, затуманился. Перед Жданом сидел утомлённый старик, а не тот Миронег, каким он знал его до поражения на Альте.

Полученная рана, горести и беды оставили глубокий след на Глебкином приёмном отце.

Ждан стал рассказывать, что было на вече, как киевляне сговорились послать послов в Переяславль и в Чернигов.

— И я увязался ехать с послами в Чернигов... буду искать Глебушка...

Олюшка при этих словах так и впилась глазами в Жданкино лицо.

— И полно, — сказал, вздохнув, Миронег, — поздно теперь отыскивать Глебкин след — не в речке же Снов, где потонули наши воины!

Кто-то стукнул в дверь. В хату вошли Онцифор с Петрилой.

— Ишь, что надумал мой Ждан! — начал было Петрило, — мало навоевался с половцами, ещё хочет...

— И ты дал благословение? — спросил Миронег, откидывая упавшие на глаза волосы.

Тут вмешался Онцифор:

— Как же не дать?! Жданко хочет найти Глеба.

Миронег вздохнул:

— Найдёт ли?

— Найдёт, — уверенно сказал Онцифор.

— А как это случилось, что послы берут с собой Ждана? — спросил неожиданно повеселевший Миронег.

— Да как же не взять? — ответил Онцифор. — Ведь я — посол. Я и беру с собой своего унота.

Петрило молчал. Неизвестно было, с охотой ли он отпускает сына, или в душе его происходит борьба.

А Онцифор рассказывал дальше: «Святослав успокаивает, велит сказать брату своему, нашему киевскому князю Изяславу: ежели пойдёшь с ляхами, то пойдём против тебя ратью — не дадим губить город отца нашего, стольный наш Киев; а если идёшь к нам с миром, бери с собой малую дружину. Иди спокойно, супротивников нет у тебя теперь!»

Онцифор продолжал с воодушевлением, он говорил так, как будто его слушала толпа на киевской площади, а не два старика: Миронег да Петрило. Он говорил: «Опомнились русские люди, готовятся дать отпор проклятым. Святослав собирает войско, кликнул клич по Черниговской земле, чтобы шли на бой все, кому дорогá родина и честь Руси... И собираются со всех концов Черниговщины, со всех концов русской земли. Надо, чтобы воины собирались и с Переяславщины и с Киевщины... со всех концов русской земли.

Ладно ты сделал, Петрило, что благословил Ждана на поход. Пусть киевлянин он, не чер-

Миронег благословляет Глеба перед походом.

ниговец, но всё одно: и переяславцы и черниговцы — все мы одно — Русь. Одно слово: «русские люди».

В это мгновение отворилась дверь — в комнату вошёл Офрем. Он постоял тихонько, послушал, о чём говорят, а когда Онцифор замолк, Офрем заговорил: «Слушаю я тебя, слушаю, праведно говоришь... Вот я — новгородец — нет в наших краях половцев, а знаем мы, что обижают они Русь, знаем, что злейшие они наши враги...» И тут вспомнил Глебку. «И до чего хорош был малый! — ласковый, приветливый, до всего доходчивый, смекалистый!»

От этих похвал его приёмному сыну ещё пуще разгорелась у Миронег тоска по Глебу.

До позднего часа засиделись гости у Миронег, а потом вдруг заторопились. Онцифор со Жданом должны были наутро, ранним-рано отправиться на главную киевскую площадь, чтоб оттуда отправиться вместе с остальными послами в город Чернигов, а Петрило собрался наутро в родное село под Василёв.

Офрем вернулся к любимому занятию — списыванию книг, а Миронег остался дома один вместе с приёмной дочкой Олюшкой.

Совсем тихо стало в доме у Миронег. Молчаливый сидел он за своим рабочим столом, где были разложены ножки, пилочки, двузубцы и валялись незаконченные чесала с хитрой резьбой, ларцы и рукояти мечей.

Миронег работал уж не так быстро и не с той охотой, как то бывало раньше. Ныло раненое плечо, и грусть по Глебке не давала покоя сердцу. Всё думал об одном: осиротили его половцы проклятые, второго сына отняли.

Сидел Миронег у своего стола, отставив пилочки и ножки, глядя молча в одну точку.

Рыжий котёнок, Глебкин любимец, вскарабкался к нему на колени, потёрся об его рубашку, промурлыкал свою однообразную песенку.

— Олюшка, — кликнул Миронег Глебкину сестрёнку. — Накорми Рыжика!

Олюшка, глядя на Рыжика, начала причитать:

— Бедный братец мой, Глебушко! Кто-то накормит, напоит тебя, сиротинушку!

— Полно, доченька! — прервал её Миронег и прибавил строго: — Не плачь! Всё будет ладно!

Когда Онцифор со Жданом прибыли в столицу Черниговского княжества — город Чернигов, они увидели, что весь народ ходит по улицам, как в дни больших праздников, радостный, ликующий. Люди собираются в кучки, толкуют, что не можно терпеть больше половцев в русской земле, должно всех перебить, прогнать, чтобы и впредь не повадно было проклятым вторгаться в наши сёла и города.

Киевские послы остались довольны приёмом Святослава — черниговского князя. Онцифор рассказывал Ждану, что князь сказал: «Не дадим в обиду стольный наш город, великий Киев. Брату Изяславу послано сказать: ежели не бросишь ляхов, — мы сами на тебя ратью пойдём; бросай ляхов, иди в Киев, в святой город отца нашего, иди с малой дружиной, тогда миром покончим, а всю силу свою бросим на злейших недругов наших — на половцев».

Собирались воины на улицах Чернигова, строились в ряды. Ждан держался около Онцифора и вдруг отошел от него.

«Жданко? — позвал было Онцифор. — Жданко!» Не на шутку обеспокоился мастер. Глядит — и уже бегут к нему навстречу два молодца; Ждан с дружкой своим Глебом.

Онцифор спросил:

— Куда же ты делся с Альты! Мы все, кто жив остался, в Киев вернулись. Ждан отца твоего Миронег чуть ли не на плечах нёс до самого дома и передал сестре твоей Олюньке, чтоб выхаживала его.

Глубоко с сияющим лицом повернулся к Ждану.

— На то, Онцифор, мы и друзья с ним навечные! А я не мог уйти с вами. Помните, как на меня навалился пузатый половчин? Не мог я тогда отбиться, а потом изловчился, схватил я половчина и повёз до Чернигова, своими руками изловил. Об отце не беспокоился, знал, что он со Жданком . . что не пропадёт отец мой. . .

Вот сейчас ещё раз пойдём на половцев, а там, бог даст, и в Киев вернёмся все вместе.

Миронег не ошибся; с уходом Ждана он твёрдо верил в возвращение сына, в счастливый конец похода черниговцев, и он не очень удивился, когда однажды ранним утром, едва начало светать, кто-то стукнул в его оконце.

Олюшка прыгнула с лавки, подбежала к оконцу, всплеснула руками и закричала:

— Глебушко! Братец родименький!

Услышав такие слова, Миронег поднялся с лавки и заторопился по ступенькам вверх к двери.

— Глебушко! Сыночек! — только всего и мог выговорить Миронег, и крупные слёзы, слёзы радости текли по его щекам.

— Сказывай! Всё сказывай! — тормошила Олюшка брата.

— Да сперва дай ты ему отдохнуть с дороги, попотчуй, дай помыться! — останавливал Олюшку Миронег.

Но Глебу было не до мытья, не до отдыха, не до еды.

— Победа, батя, победа! — говорил он прерывисто, задыхаясь от переполнявших его чувств. — Победа! Немного было нас, русских воинов, едва ли три тысячи набралось у черниговского князя, а половцев, почитай, тысяч двенадцать. Тьма врагов, а всё же мы их одолели! Святослав всё время был впереди воинов, — продолжал Глебко. — Скакал впереди всех. Когда бой начался, князь воскликнул: «Нам некуда деться! Ляжем костями за землю русскую! Ляжем все до единого!»

— Сказывай дальше! Сказывай всё! — Теперь Миронег торопил Глеба. — По порядку сказывай!

Глебко засмеялся:

— Говорю я тебе, — всех половцев, какие были на поле битвы, всех перебили мы, русские, хоть их было в четыре раза больше, чем наших. А тех, которые уцелели в бою, столкнули в речку Снов, всех потопили, проклятых! Ни один половчин не спасся! Отомстили за Альту!

— А где же дружок твой Ждан? Неужто всё еще в Чернигове?

— Ан нет, не в Чернигове, а в стольном городе Киеве...

В открывшуюся от сильного толчка дверь спускался Жданко, а с ним вместе и Онцифор.

— Вот, гляди! — сказал Онцифор, указывая на Ждана. — Вспоминаешь, что я тебе сказывал? Не хочу, говорил, никакого другого унота — дождусь, говорил, Ждана! И дождался! Вместе работали, вместе воевали, а теперь отвоевались и снова за работу! Но сперва отпразднуем!

— Олюшка! Собирай на стол! Тащи всё, что есть в дому.

— Да и у нас кое-что припасено!

Онцифор показал глазами на плетёную корзину, что нёс Жданко.

— А где же други наши верные? — И, обращаясь к Миронегу, Онцифор сказал: — Зови Тудора, Офрема с его Мичькой, — и станем пировать.

Олюшка не заставила вторично просить себя и помчалась во весь дух в Гордятин двор за Тудором и к новгородцу Офрему.

Почувствовав себя хозяйкой, Олюшка раскраснелась, захлопоталась, вытащила из большого ларца скатерть, вытканную в ёлочку (работа покойной жены Миронеговой), разостлала её на столе, стоявшем против костерезного станка, и поставила всю посуду, какая была в доме.

— Сядем, други, за стол! — предложил Миронег. — Ранним утречком начнём почестный пир — наступил светлый день победы! Достань-ка что припрятали для праздника, — приказал он Олюшке.

Та мигом исполнила приказание отца — побежала в кладовую, принесла глиняный кувшин и поставила его на стол.

Миронег стал разливать по чаркам пахучую золотистую влагу.

Он первый поднял свою чарку и сказал:

— Выпьем за храбров наших Ждана и Глеба!

Оба молодца поднялись, низко поклонились своим старшим и одним махом опустошили чарки. Сладкий, крепкий напиток обжёг горло, влил смелость в сердца юношей.

Глубоко просил позволения сказать и ему слово.

— За мастеров и учителей наших, за всех людей киевских, за стольный город наш Киев!

Теперь пришла и Жданкина очередь. Он взглянул на Тудора, отцова друга, вспомнил родного своего отца — Петрило, и горло сжалось болью «Неужто они оба останутся холопами у проклятого Гордяты?! Нынче радость великая на Руси — недругов прогнали русские люди! А у Петрилы с Тудором всё попрежнему!» Ещё раз оглядел Ждан праздничный стол и увидел, что друзья ждут его слова. Тогда он поднял чару и сказал:

— Первое всего и главное всего — поднимем наши чары за Русь! За то, чтобы она век была сильна и мощна и чтоб всегда давала отпор недругам своим! Чтоб ни один враг не осмелился ступить на землю нашу!

А сам думал: «Неужто и вправду наши родимые останутся навек холопами! Нет, не бывать тому! Придёт правда, придёт счастье, полное счастье на Руси!»

Друзья не знали думы Ждана, но все поддержали его и дружно возгласили разом:

— За Русь! За Русь!

ОГЛАВЛЕНИЕ

В степи	3
У Золотых ворот	8
Жданко въезжает в Киев	14
В мастерской златокузнеца	19
У костереза	25
Воскресенье в Киеве	30
Гончары	38
Жданко бродит по улицам	45
Почайна	51
На торговище	57
Глебкина тайна	63
Жданко продолжает искать мастера	73
Встреча с оружейником	77
Опасность идёт из степи	82
Битва на реке Альте	90
Большое вече	101
На горé	109
За Русь!	114

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Для младшего и среднего возраста

Ответственный редактор Л. Джалалбекова.

Художник-редактор Ю. Н. Киселев.

Технический редактор Н. М. Сусленникова.

Корректоры

А. К. Петрова и А. П. Нарвайш.

Подписано к набору 26/VI 1953 г. 84 × 108 $\frac{1}{4}$ в.

Бум. л. 2. Печ. л. 6,57. Уч.-изд. л. 5,92. Авт. л. 5.

Л06587. Подписано к печати 28/X 1953 г. Тираж

90 000 экз. Цена 2 р. 80 к. Заказ № 347.

Отпечатано с матриц Фабрики детской книги № 2
на Фабрике детской книги № 1. Москва, Сушеvский
вал, 49. Заказ № 991.

*Отзывы и пожелания издательству направляйте
по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6,
Дом детской книги Детгиза.*

СПИСОК КНИГ, ВЫШЕДШИХ ПО СЕРИИ

«В ПОМОЩЬ ШКОЛЬНИКУ»

- Карелин Д. — По Советской Арктике. М.—Л., Детгиз, 1948. 96 стр.
- Карелин Д. — Антарктика. М.—Л., Детгиз, 1949. 76 стр.
- Бармин А. — Урал-богатырь. М.—Л., Детгиз, 1948. 95 стр.
- Жилин С. — Камчатка. М.—Л., Детгиз, 1949. 96 стр.
- Гор Г. и Лешкевич В. — Сахалин. М.—Л., Детгиз, 1949. 74 стр.
- Гор Г. — Алтай. М.—Л., Детгиз, 1951. 92 стр.
- Дружинин В. — Советская Карелия. М.—Л., Детгиз, 1951. 108 стр.
- Дружинин В. — Советская Эстония. М.—Л., Детгиз, 1952. 92 стр.
- Александрова В. — Лес в степи. М.—Л., Детгиз, 1953. 128 стр.
- Корсунская В. — Из жизни растений. М.—Л., Детгиз, 1951. 80 стр.
- Лебедев В. — Рассказы о Мичурине. М.—Л., Детгиз, 1949. 76 стр.
- Успенский Г. — Аскания-Нова. М.—Л., Детгиз, 1950. 104 стр.
- Якубенко А. — Кровь и кровообращение. М.—Л., Детгиз, 1951. 120 стр.
- Прилежаева-Барская Б. — Как жили наши предки славяне. М.—Л., Детгиз, 1952. 76 стр.
- Караев Г. — Битва под Москвой. М.—Л., Детгиз, 1951. 124 стр.
- Караев Г. — Сталинградская битва. М.—Л., Детгиз, 1949. 98 стр.

Депман И. — Из истории математики. М. — Л., Детгиз, 1950. 116 стр.

Наливкин Д. и Петров Л. — Наша нефть. М. — Л., Детгиз, 1952. 100 стр.

Жемчужников Ю. и Гор Г. — Каменный уголь. М. — Л., Детгиз, 1949. 68 стр.

Курбатов В. — Менделеев. М. — Л., Детгиз, 1950. 96 стр.

Яновская Ж. — Кулибин. М. — Л., Детгиз, 1951. 112 стр.

Рахманов Л. — Яблочков. М. — Л., Детгиз, 1952. 84 стр.

Цена 2 р. 80 к.